

ШКОЛЫ

НА

ХРИСТИАНСКОМЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ

ВОСТОКЪ,

ИХЪ ИДЕАЛЫ, И РЕАЛИЗАЦІЯ ПОСЛѢДНИХЪ.

ВОРОНЕЖЪ.

Типографъ В. П. Писаева.

1882.

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

Школы на христіанскомъ православномъ восто- кѣ, ихъ идеалы и реализація послѣднихъ.

Появленіе христіанскихъ школъ, какъ общеобразователь-
ныхъ институтовъ съ спеціальными задачами образованія юно-
шества, падаетъ на вторую половину втораго вѣка. До сего
времени мы встрѣчаемъ у христіанъ такъ называемыя огласи-
тельные училища, которыя имѣли своею задачею элементарное
ознакомленіе съ истинами христіанства лицъ, изъявившихъ же-
ланіе принять крещеніе. Такія школы существовали при епи-
скопскихъ кафедрахъ. Забывавали ими клирики, назначавшіеся
отъ епископа. Ясно, что огласительныя училища не могутъ
быть названы общеобразовательными учебными заведеніями для
юношества. Только съ IV вѣка, когда язычество постепенно
начинало упадать и прозелитовъ со стороны его становилось
все менѣе и менѣе, онѣ измѣнили свою программу и являют-
ся уже предъ нами въ качествѣ низшихъ элементарныхъ школъ,
напоминающихъ собою наши приходскія.

Второй вѣкъ представлялъ собою блестящую эпоху въ
исторіи римскаго государства. Это было время царствованія
знаменитыхъ Антониновъ (98—180 г.). Римъ, подлинно ве-
ликій и славный своимъ прошлымъ, увидѣлъ теперь на своемъ
императорскомъ престолѣ и „воплотившуюся добродѣтель“ въ
лицѣ Антонина Пія (138—161 г.), и „саму философію“ въ
лицѣ Марка Аврелія Антонина Философа (161—180). Не ме-
нѣе знамениты были и предшественники двухъ названныхъ
императоровъ: Траянъ (98—117) и Адрианъ (117—138). До-
бродѣтельные въ древне-римскомъ смыслѣ слова, просвѣщен-

ные, поставившіе едва не на первомъ планѣ своей государственной дѣятельности заботу о распространеніи наукъ и образованія, Антонины ознаменовали свое правленіе открытіемъ большого числа учебныхъ заведеній по всей территоріи римскаго государства. Республиканскій Римъ всего болѣе занять былъ пересаживаніемъ греческой культуры на римскую почву. Насколько успѣшно прививалась греческая наука на римской почвѣ, можно судить по слѣдующему факту. Только за двѣсти съ небольшимъ лѣтъ римляне впервые столкнулись съ греками, а Гораций уже на весь свѣтъ могъ заявить, что „*Graecia capta ferum victorem cepit, et artes intulit agresti Latio*“ т. е. побѣжденная Греція побѣдила суроваго побѣдителя и внесла искусства въ грубый Лациумъ. Римъ окончательно подчинился интеллектуальному вліянію Греціи. Нужно сказать, что римская республика сумѣла хорошо воспользоваться плодами греческаго образованія. Школы знаменитой Эллады открылись и на римской почвѣ. Вся культура римская доведена была до значительной высоты.—Имперія явилась достойною преемницею научныхъ сокровищъ республики. Это нужно сказать уже о времени перваго римскаго императора. Никогда еще въ столицѣ «вселенной» не сосредоточивалось столько геніальности, столько талантовъ, никогда прежде римская образованность не проявлялась въ такомъ стройномъ величій, какъ въ этотъ, по справедливости прославляемый вѣкъ Августа. Слава правленія его, надежда на награды и почести привлекали въ Римъ интеллектуальныя силы со всѣхъ концовъ имперіи и болѣе всего, конечно, изъ Греціи, страны наукъ и искусствъ, которая, по выраженію Цицерона, *fama, gloria, doctrina, plurimis artibus et imperio floruit*.—Но этотъ отливъ научныхъ силъ изъ Греціи могъ сопровождаться печальными результатами для нея самой. Ясно становилось, что центръ научной тяжести теперь переносился съ востока на западъ; но не менѣе ясно было и то, что Римъ, при всемъ своемъ увлеченіи греческою наукою, не могъ замѣнить собою Грецію,

этотъ очагъ и пріютъ наукъ и всякаго образованія съ древнѣйшихъ временъ. Римъ не заявилъ себя такимъ творчествомъ, тою силою продуктивности мысли, которыя почти во все время присущи были грекамъ и въ особенности эллинамъ классическаго періода. Больше подражателями, чѣмъ творцами являются предъ нами римляне конца республики и временъ даже имперіи. Правда, и Греція давно уже не видѣла на своей родной почвѣ такихъ гевіевъ, какіе являлись въ классическій періодъ. И Греція давно уже низошла на степенъ хранительницы научнаго преданія своей родной старины, оставленнаго въ качествѣ дорогаго наслѣдства отъ славныхъ предковъ. Но здѣсь, въ Греціи это научное наслѣдство являлось своимъ роднымъ, творчествомъ того же гевія, который совсѣмъ никогда не покидалъ даровитую греческую націю. Римъ пересаживалъ на свою почву греческую науку, много трудился на этомъ поприщѣ, но, какъ чужестранецъ, не имѣлъ возможности проникнуться до мозга костей ея духомъ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. сами представители Рима, въ лицѣ его императоровъ, возвысились до сознанія необходимости поддержать науку, такъ давно уже пересаживаемую въ предѣлы римской половины имперіи, въ самомъ ея отечествѣ, въ Греціи. Особенно благопріятными для послѣдней въ этомъ отношеніи были времена императоровъ: Адріана, Антонина Пія и Марка Аврелія. Адріанъ, этотъ другъ грековъ, окружалъ себя учеными изъ эллинской земли и щедро награждалъ ихъ. Въ древнѣйшемъ пріютѣ науки, Афинахъ, онъ учредилъ бібліотеку и открылъ при университетѣ правительственныя кафедры свободныхъ наукъ, философіи и права, хотя преподаваніе послѣдняго здѣсь и не привилось. Антонинъ Пій, подобно своему отцу, старался поддержать значеніе знаменитѣйшихъ центровъ процвѣтанія греческой науки. Онъ предоставилъ профессорамъ школь иммунитетъ, предписалъ городамъ, смотря по ихъ достоинству и положенію въ государствѣ, имѣть определенное число іатрософистовъ, риторовъ и грамматиковъ. Маркъ Фи-

лософъ не только оставилъ неприкосновенными всѣ права и вольности профессоровъ, но и старался расширить ихъ. Особенно это и нужно сказать относительно Афинъ. Покровительственные отношенія правительства къ городамъ Греціи возбуждали соревнованіе въ префектахъ провинцій, часто конкурировавшихъ между собою въ патронатствѣ наукамъ и искусствамъ. Въ частныхъ лицахъ проявлялось стремленіе содѣйствовать по мѣрѣ силъ къ поднятію уровня научнаго образованія. Все это поднимаетъ и возвышаетъ народный духъ. Всею пробуждается стремленіе къ образованію. Города одинъ за другимъ возстановляютъ старыя, основываютъ новыя учебныя заведенія и вызываютъ для нихъ по возможности лучшихъ профессоровъ. Правительственные профессеры далеко не могутъ удовлетворить пробудившимся потребностямъ знанія. Коммуны на свои средства открываютъ новыя кафедры. Кроме этого появляются цѣлыя толпы переходящихъ учителей, которые бродятъ изъ города въ городъ, всею собирая около себя любителей наукъ и образованія, всею являясь дорогими и желанными гостями.

Въ эту-то эпоху широкаго въ количественномъ отношеніи развитія школъ и школьнаго образованія, всеобщаго увлеченія риторикой и философіей, сдѣлавшимися предметами преподаванія высшихъ учебныхъ заведеній, выступаютъ на свою апостольскую дѣятельность миссіонеры — выходцы изъ іудейской земли, люди простые, незнакомые съ наукой. Они проповѣдуютъ о новомъ царствѣ, царствѣ неземномъ, благодатномъ, получившемъ свое начало съ пришествіемъ Іисуса Христа на землю. Цѣлыми тысячами начинаютъ вступать въ это царство люди всѣхъ націй. Но на первыхъ порахъ по преимуществу прозелитами его дѣлаются люди обездоленные, трудящіеся и обремененные, которые чаяли найти покой и отраду въ царствѣ Христа. Языческій ученый міръ, гордый своимъ образованіемъ, съ презрѣніемъ отвергъ слово о Христѣ. Последнее для него казалось юродствомъ, безуміемъ, «гнуснымъ

и безмѣрнымъ суевѣріемъ» (*Superstitio prava et immodica*), какъ выразился Плиній младшій въ своемъ письмѣ къ Траяну. Однако это „безмѣрное суевѣріе“ все сильнѣе и сильнѣе напирало на языческій міръ, приобрѣтало все новыхъ и новыхъ послѣдователей изъ среды греко-римлянъ. Во второмъ вѣкѣ мы уже видимъ въ числѣ исповѣдниковъ Христа людей не простыхъ только, но и мудрецовъ міра сего. Это вѣчное исканіе истины безъ всякой надежды когда либо найти ее, рекомендованное языческой философіей первыхъ вѣковъ христіанства въ качествѣ послѣдней, самой высшей цѣли жизни, это блужданіе во мракѣ безъ руководительнаго свѣточа надежды на желанный выходъ томилло людей пытливыхъ, горячихъ, натуръ, которыя не умѣли сдерживать порывы своего ума и влеченія сердца. Христіанство предлагало готовую, высшую, неземную богооткровенную истину. Нашлись избранныя души среди языческихъ философовъ, которыя, познакомившись съ христіанскимъ вѣроученіемъ, сумѣли опѣнить его превосходство надъ доктринами современныхъ имъ философскихъ школъ греко-римской имперіи. Ни мало не колеблясь, они перешли на сторону «буихъ», гдѣ нашли миръ и душевное успокоеніе.

Переходъ въ христіанство людей науки, отщепенцевъ отъ того слоя греко-римскаго общества, который былъ самымъ образованнымъ, встревожилъ языческій ученый міръ. Лучшие въ язычествѣ люди скоро поняли, что христіанство является носителемъ новыхъ началъ жизни, новыхъ идеаловъ и принциповъ всей культуры. Теперь ясно для многихъ стало, что эти принципы, при столкновеніи съ греко-римскою цивилизаціей, разрушительно дѣйствуютъ на послѣднюю, подрывая ее въ самомъ корнѣ. Тѣ, для которыхъ дорога была греко-римская культура, должны были обратить свое вниманіе на христіанство, опѣнить его съ своей точки зрѣнія и принять надлежащія мѣры къ огражденію ея отъ разрушительныхъ началъ христіанской доктрины. Для ученыхъ язычниковъ это уже не безмѣрное и вмѣстѣ безвредное суевѣріе, а зловредная лъза,

съ которою приходилось считаться и правительству, и литературѣ. Первое, даже въ лицѣ такого справедливаго и гуманнаго государя—философа, какимъ былъ Маркъ Аврелій, приняло репрессивныя мѣры къ подавленію заразы. Поднялись жестокія гоненія на христіанъ со всеми ужасами пытокъ. Правительство надѣется сломить врага и увы!—надежды его остались тщетными. Терпѣніе христіанъ оказалось неизчерпаемымъ, нравственная мощь несокрушимою.—Литература въ свою очередь выступаетъ на борьбу съ христіанствомъ. Раздѣляя отчасти народныя воззрѣнія на христіанъ, какъ на людей безбожныхъ и самыхъ крайнихъ нарушителей нравственности, представители языческой учености стараются въ видахъ полемики ознакомиться намятниками христіанской письменности. Эти послѣдніе подвергаются безощадной критикѣ со стороны ихъ. Они часто дѣлаются предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ, самыхъ рѣзкихъ выходокъ. Евангельская исторія заподозривается во лжи. Многія христіанскія истины объявляются похищенными у язычниковъ. Этого мало—многія кажутся для язычниковъ невѣроятными, даже безбожными. Въ такомъ видѣ представляется христіанство подъ перомъ его враговъ, людей гордыхъ своей наукой и образованіемъ. Могли-ли оставаться равнодушными предъ этой безощадной критикою тѣ, для которыхъ дорого было христіанство съ его возвышеннымъ ученіемъ? Но если правительственнымъ преслѣдованіямъ можно было съ успѣхомъ противопоставить терпѣніе и нравственную силу, то языческой философій—только ученость. Не всякій, обратившійся ко Христу могъ взяться за трудное и весьма сложное дѣло защиты христіанства отъ нападковъ со стороны его враговъ. Только подготовленные могли дать надлежащую оцѣнку критикѣ языческихъ философовъ, съ честію отразить все злобныя выходки ихъ и защитить богооткровенныя истины. Только систематически правильное съ другой стороны школьное образованіе могло создать подготовленныхъ борцовъ за христіанство. Вотъ одна изъ важныхъ

причинъ, вызвавшихъ къ существованію христіанскія школы первыхъ вѣковъ. «Ученіе Спасителя, говорилъ въ свое время Климентъ Александрійскій, само по себѣ совершенно и само-довольно, какъ сила и мудрость Божія, и приходящая эллинская философія не дѣлаеть истины сильнѣе, но дѣлаеть только безсильными софистическія нападкы, отвращаетъ враждебныя подконы подъ истину и потому можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника». Безъ сомнѣнія не одинъ Климентъ въ то время разсуждалъ подобнымъ же образомъ. Лично христіанамъ не сомнѣвался въ боговдохновенной авторитетности истины, излагавшихся въ его книгахъ священнаго писанія. Въ христіанскіе ученые того времени признавали ученіе Спасителя «самодовольнымъ», но всѣ видѣли рѣшительную необходимость въ научномъ обоснованіи его.

Но христіанская община первыхъ вѣковъ на ряду съ вѣншими учеными врагами имѣла своихъ внутреннихъ, домашнихъ враговъ, съ которыми также приходилось считаться на научной почвѣ. Мы разумѣемъ разныя категоріи еретиковъ, которые подкапывались подъ самыя основы христіанства. Это другая группа враговъ церкви, не менѣе, если только не болѣе, для нея опасныхъ. Стоя на почвѣ разсудочнаго мышленія по принципамъ той или другой философской системы, они подвергаютъ разбору священныя книги и несогласныя съ ихъ взглядами отвергаютъ, принимая только тѣ, которыя, если не прямо, то въ нѣсколько измѣненномъ видѣ могли подкрѣплять ихъ доктрину. Этого мало,—въ своихъ интересахъ еретики дозволяютъ себѣ безграничную свободу въ обращеніи съ тою или другою принятою ими книгою. Многія мѣста, прямо противорѣчащія ихъ книгѣ, выбрасываются, другія искажаются. Защитникъ чистаго, богооткровеннаго христіанскаго ученія долженъ былъ выступить во всеоружіи знанія на борьбу съ еретиками. Являлась нужда въ солидномъ научномъ образованіи по правиламъ школьныхъ методовъ и приѣмовъ, нужда полная и настоящая, если только желали обезпечить себѣ вѣрнѣйшій успѣхъ въ борьбѣ съ гностиками.

Наконецъ и сама христіанская православная община первыхъ вѣковъ предъявляла требованія относительно организаціи своихъ школъ, школъ чисто христіанскихъ, съ новыми задачами и цѣлями образованія. На первыхъ порахъ воспитаніе и образованіе по обстоятельствамъ времени всецѣло было предоставлено попеченію родителей. Понятно, что болѣе обеспеченные могли приглашать къ себѣ домашнихъ учителей, а бѣдные начали посылать ихъ въ языческія школы. Чувствовалась нужда въ образованіи, въ своей общинѣ трудно было получить его, — и вотъ христіанскій мальчикъ, на ряду съ дѣтьми язычниковъ, идетъ въ школу грамматиста, а христіанскій юноша — въ школу грамматика и ритора. Но языческія школы по своей внутренней организаціи были разсадниками и пріютами всего языческаго культа. Было опасно, даже слишкомъ опасно предоставлять гибкую и впечатлительную натуру дѣтяи влиянію языческихъ преподавателей. Результаты подобныхъ явленій могли быть самые печальные для христіанства. Тѣ, которые возвысились до мысли объ опасности влиянія языческихъ школъ, подняли голосъ въ пользу организаціи христіанскихъ учебныхъ заведеній. Это одно. Съ другой стороны пропаганда христіанства среди ученыхъ язычниковъ могла быть усѣбною только подъ условіемъ возведенія богооткровенныхъ истинъ на стень науки, знанія. Но это сдѣлать могла только правильно организоваанная высшая христіанская школа.

Все изложенные наши мотивы къ возникновенію христіанскихъ школъ существовали на лицо въ Александріи. Этотъ городъ въ первые вѣка христіанства былъ средоточнымъ пунктомъ всемірнаго движенія, гдѣ приходили въ соприкосновеніе между собою люди всѣхъ вѣрованій и націй. Здѣсь смѣшивались символы и преданія всѣхъ народовъ. Древніишія религіи Персіи и Египта, іудейство и греческая философія — все это, подъ влияніемъ господствовавшего тогда эклектическаго направленія мысли, такъ или иначе объединялось. Въ Александріи сама философія протянула руку примиренія христіанству,

включивъ послѣднее, конечно, какъ низшій видъ, въ кругъ прецедентовъ истиннаго откровенія. Христіанству грозила опасность быть смѣшаннымъ съ языческой философіей. Здѣсь со всею рѣзкостью языческаго философа выступаетъ противъ христіанъ Цельсъ съ своимъ „Истиннымъ словомъ“. Въ Александріи съ другой стороны господствовавшій эклектизмъ въ области мысли облегчалъ путь ко Христу философски образованнымъ язычникамъ. Далѣе, сама христіанская община, не имѣвшая здѣсь возможности отрѣшиться отъ научныхъ традицій прошлаго, скорѣе всего способна была привести въ связь вѣру и знаніе, устроить компромиссъ между христіанскою доктриною и языческою формою. Эклектикъ, сдѣлавшійся христіаниномъ, не могъ игнорировать языческую ученость. Если въ послѣдней не высоко было по сравненію съ христіанствомъ внутреннее содержаніе, то возвышенна и величественна форма. Съ этой стороны языческой міръ долженъ былъ заплатить дань христіанству. И вотъ въ Александріи скорѣе, чѣмъ гдѣ либо, явлются попытки построенія научной христіанской системы. Нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, не ставится даже вопроса о законности такой постановки дѣла. „Просвѣтите въ васъ свѣтъ знанія“, сказано въ Писаніи, и этого достаточно, чтобы взглянуть на христіанское ученіе, какъ на философію и сдѣлать его въ этой формѣ объектомъ школьнаго преподаванія — Вотъ при какихъ обстоятельствахъ возникло Александрійское огласительное училище, первый по времени высше-учебный христіанскій институтъ съ ясно очерченными задачами, цѣлями и идеалами школьнаго образованія.

Если всегда и вездѣ высшая школа стремится удовлетворить нуждамъ и запросамъ времени, и идеалы ея слагаются подъ вліяніемъ этихъ требованій, то не могло составить собою исключенія на этотъ разъ и Александрійское огласительное училище. И этотъ первый высше-учебный христіанскій институтъ долженъ былъ удовлетворять запросамъ отъ него христіанской общины первыхъ вѣковъ. Мы видѣли уже, въ ка-

комъ положенія находилась эта послѣдняя. Враги забитѣе соединенными силами предпринимають попытку стереть съ лица земли имя христіанъ. Правительство и чернь проливаютъ кровь неслободанковъ Христа, а высшая ученость разбираетъ Его ученіе. Послѣднее она находитъ вреднымъ для государства, вреднымъ, ложнымъ и во многихъ пунктахъ безбожнымъ. Враги внутренніе поддлизываются подъ самымъ основан христіанства. Наконецъ сами христіане предъявляютъ требованіе удовлетворить нуждамъ образованія въ своей общинѣ, по волѣ Провидѣнія поставленной въ непримѣнныя отношенія ко всему оружанному міру. Если знаменитые организаторы Александрійскаго огласительнаго училища предприняли на себя трудъ удовлетворить всѣмъ этимъ запросамъ времени, то они должны были благоустроить такую школу, которая приготовляла бы христіански образованныхъ людей, способныхъ защитить богооткровенное ученіе отъ всѣхъ нападковъ враговъ, внутреннѣе и внѣшнихъ и дать во всякое время свѣтъ вопрошавшему. Вотъ на лицо тѣ элементы, изъ которыхъ должна была образоваться идеаль христіанской школы. Она имѣетъ дѣломъ приготовить гностиковъ, людей свѣдущихъ въ христіанскомъ ученіи, и способныхъ съ честью вести за него борьбу. Но само собою разумѣется, что понятіе образованнаго человека слишкомъ растяжимо. И закончившіи полный курсъ наукъ и нѣсколько начитанный разво претендуютъ на званіе образованнаго. Въ какой же степени образованнымъ долженъ быть воспитанникъ христіанской школы? Какой критерій для оцѣнки научности рекомендовался организаторами Александрійскаго огласительнаго училища? Въ чемъ усматривался для идеаль образованнаго человека? Въ опредѣленіи степени образованія, преслѣдуемаго школою, организаторы высшего христіанскаго учебнаго заведенія становятся на точку зрѣнія современныхъ имъ философскихъ школъ, которыя трактовались и въ дѣйствительности были мысленны институты научнаго образованія въ личности. Эти послѣднія дѣло и

и определенно организовали курсъ наукъ, изученіе которыхъ доставляло званіе образованнаго человѣка. Всѣ, такъ называемыя семь свободныхъ искусствъ, записанныя въ качестве дорогого наслѣдства отъ времени классической Греціи, составляли въ нихъ только преледентическій курсъ, подготовительный по отношенію къ высшему. Св. Іустинъ Философъ, рассказывая о своихъ переходахъ отъ одного философа къ другому, пишетъ о пифагорейскомъ философѣ его времени слѣдующее: „когда я объявилъ ему о своемъ желаніи сдѣлаться его слушателемъ и ученикомъ, онъ спросилъ меня:“ а учишься—ли ты музыкѣ, астрономіи и геометріи? или думаешь, можно понять что нибудь изъ науки ведущей къ сластію, если ты прежде не занимаешься основательно гѣмъ, что отвлекаетъ душу отъ чувственнаго и приготавливаетъ ее къ умственному, такъ, чтобы она была способна созерцать красоту и добро въ ихъ сущности“ (Разговоръ съ Трифономъ въ русск. пер., 2 гл. 145 стр.). Ученикъ и послѣдователь Пифагора, почти восемь вѣковъ спустя, предъявляетъ тѣ же самыя требованія, что и его учитель, относительно предметовъ подготовительнаго, преледентическаго курса. Та же устойчивость въ этомъ отношеніи характеризуетъ школы послѣдователей и продолжателей Платона и Аристотеля. Авторитетъ глубоко-ученой старины, вѣковой древности наложилъ печать неизмѣнимости на общеобразовательный курсъ наукъ. Да и можно ли было измѣнять, прибавлять или сокращать то, что само по себѣ неразложимо. Всѣ свободныя науки находятся подъ покровительствомъ музъ.

Послѣднія же, какъ показываетъ самое ихъ названіе, существуютъ не по одиночкѣ. Заниматься не всеми свободными науками значило раздѣлять то, что по природѣ не можетъ быть дѣлимо.—Въиномъ всякаго образованія является философія. Она господствуетъ надъ всеми науками и завершаетъ ихъ. Полно и въ совершенствѣ образованный человѣкъ только тотъ, кто изучилъ, послѣ семи свободныхъ искусствъ, науку высшую, заключительную. Но чему же учить эта посада-

вля? Что составляет ее содержание? Философия не есть наука только теоретическая, спекулятивная. Она, если не больше, то по крайней мере в одинаковой степени—наука практическая. Ближайшая ее задача—найти средства улучшить жизнь, сделать людей счастливыми. И выше указанный проагореец называет ее наукой, ведущей къ счастью. Такъ же точно опредѣляетъ философію и стоицизмъ вмѣстѣ съ эпикуреизмомъ на закатѣ дней своего существованія и полный надеждъ на лучшее будущее и еще юный въ ту пору неоплатонизмъ. Отсюда во всѣхъ философскихъ системахъ всегда отводилось широкое мѣсто вопросамъ о практической дѣятельности человѣка, его принципахъ, идеалахъ и средствахъ, такъ или иначе ведущихъ къ цѣли—счастью.—Вотъ объекты преподаванія высшей языческой школы, изученіе которыхъ только и могло дать право на званіе дѣйствительно образованнаго человѣка.

Первые организаторы Александрійскаго огласительнаго училища, Пантенъ и Климентъ, вышли изъ школъ языческихъ. Въ зрѣломъ уже возрастѣ, по окончаніи полнаго курса наукъ, следовательно, людьми вполне образованными, приняли они христіанство. Въ ихъ воображеніи неизгладимо впечатлѣлся идеалъ образованнаго человѣка. Последний долженъ быть философомъ. Если школа, которую они организовали на христіанской почвѣ, должна, по ихъ планамъ, создавать людей христіански образованныхъ, то это значитъ, что она имѣла своимъ идеаломъ типъ христіанскаго философа. Не даромъ Климентъ Александрійскій и его знаменитый ученикъ, Оригенъ, смотрѣли на христіанство, какъ на философію. Не даромъ только въ этой формѣ они поставили христіанскую доктрину въ качествѣ объекта школьнаго преподаванія. Но если разъ, въ самомъ главномъ, внѣшній обликъ языческой высшей школы перенесенъ былъ на христіанскую почву, то уже не представлялось затрудненій въ подробностяхъ и разнообразныхъ частностяхъ. Языческія философскія школы послужили прототипомъ для внѣшней организаціи высшаго учебнаго за-

веденія на христіанской почвѣ. По образцу первыхъ она благоустроится, какъ школа философская и соответственно главному высшему предмету преподаванія въ ней какъ христіано-философская.

Создавши идеаль христіанской высшей школы, знаменитые предстоятели—организаторы ея должны были принять мѣры къ реализаціи его. Христіанская доктрина въ качествѣ философіи поставлена была на пьедесталь высшей науки, составляющей собою завершенье всего школьнаго преподаванія, на то самое мѣсто, которое отведено было философіи въ языческихъ школахъ. Но что можно было порекомендовать въ качествѣ пропедевтическаго курса? Можно-ли было обойтись безъ энциклическихъ наукъ? Составляли-ли онѣ, т. е. всѣ сполна семь свободныхъ искусствъ, такую же необходимѣйшую подготовку къ слушанію высшаго курса, какъ это было въ философскихъ языческихъ школахъ? Климентъ Александрійскій отвѣтилъ на эти вопросы въ смыслѣ признанія энциклическихъ наукъ совершенно необходимыми въ качествѣ подготовительнаго курса въ высшей христіанской школѣ. Онъ и саму философію, которая завершала собою пропедевтическій курсъ въ языческихъ высшихъ школахъ, перемѣстилъ въ рядъ подготовительныхъ. Однако въ этомъ случаѣ нельзя было обойтись безъ обстоятельнаго разъясненія дѣла. Были еще до Климента писатели христіанскіе, которые высказывались противъ связи языческой науки съ христіанствомъ, каковъ, напр., былъ Таціанъ, апологетъ, варваръ по происхожденію, не умѣвшій оцѣнить въ греческой наукѣ общечеловѣческихъ ея сторонъ, въ одинаковой мѣрѣ приложимыхъ въ христіанствѣ, какъ и въ язычествѣ. Такое разъясненіе мы дѣйствительно находимъ у Климента. Первѣе всего онъ становится на защиту философіи и защищаетъ ея умѣстность въ школьной программѣ. „До пришествія Господа“, пишетъ онъ въ своихъ „Строматахъ“, философія необходима была эллинамъ для справедливости; теперь она полезна для богопочтенія тѣмъ, которые

усваиваютъ вѣру чрезъ доказательства. Нога твоя, говоритъ Писаніе, не споткнется, если ты все будешь относить къ божественному Промыслу, будетъ-ли то еллинское или наше, ибо Богъ есть виновникъ всѣхъ благъ, но иныхъ первѣе всего, какъ ветхаго и новаго завѣтовъ, а другихъ послѣ, какъ философіи. Можетъ быть и еллинамъ философія дана была прежде, чѣмъ Господь воззвалъ ихъ, поелику она также для еллиновъ была пестуномъ во Христа, какъ законъ для евреевъ. И такъ философія предуготовляла тѣхъ, которыхъ Христосъ призвалъ къ совершенству“ (Stromat. 1. 1, с. 5). Философы суть посланники Божіи. Произведенія ихъ не суть только результатъ чисто человѣческой мыслительной способности, но имѣютъ свое высшее основаніе въ откровеніи, въ божественномъ словѣ. Всякій философъ и всякій простой человѣкъ получаетъ познаніе о предметахъ не иначе, какъ при пособіи учителей. „Клеанъ называетъ своимъ учителемъ Зенона, Теофрастъ—Аристотеля, Митродоръ—Эпикура и Платонъ—Сократа. Обращусь-ли я къ Пифагору, Пифагору, Пифагору, Пифагору и первымъ мудрецамъ, я не перестаю спрашивать объ ихъ учителяхъ. И если ты назовешь египтянь, или индусовъ, или вавилонянь, или даже самыхъ маговъ, то я не перестану спрашивать объ ихъ наставникъ. Далѣе, я поведу тебя къ первому началу людей, и здѣсь начинаю отыскивать, кто былъ ихъ учителемъ. Конечно, никто изъ людей; но никто и изъ ангеловъ, ибо какимъ образомъ ангелы, какъ ангелы, стали бы учить людей такъ, чтобы послѣдніе ихъ слушали,—вѣдь они не имѣютъ подобно намъ органовъ члено-раздѣльной рѣчи. Но пусть ангелы: они имѣютъ происхожденіе, суть существа тварныя и, слѣд., съ такими же способностями, какъ и духъ нашъ. Остается спросить и объ ихъ наставникъ. Одинъ есть учитель философіи, знанія сущаго—Первороденный, чрезъ Котораго все создано и безъ Котораго ничтоже бысть, еже бысть. Онъ у всѣхъ пророковъ называется Божіею Премудростію, Тайникомъ совѣтовъ Божіихъ. Онъ научалъ людей многооб-

разными и многочастными способами“ (Stromat. I. VI, c. VII). Но такъ какъ народы варварскіе были древнѣе грековъ, то мы у нихъ прежде всего находимъ разныя изобрѣтенія, открытія и философію. Книги Моисея были перво-источникомъ для греческой философіи. Изъ нихъ заимствованы и разсѣяны въ литературѣ грековъ разнообразныя истины. Если въ греческую философію вошли противорѣчія истинной философіи, то виновникъ этого былъ одинъ и тотъ же, какъ и для христіанскихъ ересей-сѣятель плевеловъ. Такимъ образомъ философія греческая, настѣдовавъ истину, хотя и не всю сполна, пролагаетъ путь къ высшей истинѣ, предуготовляя къ принятію ея. Она была своего рода завѣтомъ. Господь даровалъ еллинамъ философію въ качествѣ закона, чтобы и живущіе внѣ закона не были преданы произволу страстей и не лишились бы понятія о предметахъ божественныхъ. — Но если законъ Моисея, служившій прообразомъ вмѣющаго пріяти Слова, не утратилъ совершенно своего значенія съ пришествіемъ Христа на землю, то и философія, которая ставится Климентомъ почти на равнѣ съ послѣднимъ, должна имѣть значеніе въ христіанствѣ. Но какая ея роль? Какое мѣсто и положеніе она должна занять въ послѣднемъ? Климентъ прекрасно разъясняетъ этотъ вопросъ. Она, по нему, находится въ служебномъ отношеніи къ богословію, къ данной положительной, откровенной истинѣ. Это — прислуга богословской христіанской науки. Она помогаетъ при изъясненіи и изложеніи богооткровенныхъ истинъ. Научное образованіе, философія служитъ средствомъ, съ помощію котораго можно почерпнуть изъ божественнаго источника знаніе ограждать истину отъ всѣхъ софистическихъ нападковъ, отражать всѣ враждебныя подкопы и сохранять ее въ неприкосновенной чистотѣ и цѣлости. Устраняя возраженіе, что будто откровеніе является какъ бы недостаточнымъ источникомъ истины, если при немъ необходимы еще внѣшняя наука и свѣтское образованіе, Климентъ точнѣе опредѣляетъ мѣсто и значеніе философіи въ христіанствѣ. „Если для тѣхъ, которые склонны къ порица-

нію; говорить онъ, нужно точно опредѣлить, что мы разумѣемъ, когда называемъ философію вспомогательною и содѣйствующею причиною истиннаго разумѣнія, то мы скажемъ, что считаемъ ее предварительнымъ руководствомъ къ вѣденію, причиною вспомогательною, а не главною, содѣйствующею, а не производящею.“ (Stromat. 1. 1, с. 20). Отрицающихъ пользу научнаго образованія, всей еллинской мудрости Климентъ называетъ неразумными. „Нѣкоторые, считая себя разумными, не хотятъ и коснуться ни философіи, ни диалектики, не хотятъ учиться естественному созерцанію, но ищутъ одной простой вѣры: не употребивши никакой заботы о виноградной лозѣ, уже хотятъ получать съ нея грозды. Подъ образомъ виноградной лозы аллегорически представляется намъ Господь; съ нея мы должны заботливо и во время снять плодъ; нужно окопать ее, перевязать, подрѣзать и все остальное сдѣлать; нужно употребить и серпъ и заступъ и другія земледѣльческія орудія, чтобы виноградникъ произраститъ намъ обильный плодъ“. (ibid. 1, 9).— Ясно, какое мѣсто отводитъ Климентъ философіи по отношенію къ христіанской наукѣ. Но при этомъ мы должны замѣтить, что знаменитые организаторы Александрійской школы понимаютъ философію не въ смыслѣ изученія какой либо опредѣленной системы, взятой по личному расположенію и вкусу, но широкую область свѣтскаго знанія, со всеми его свободными науками и практическими свѣдѣніями. Съ ихъ точки зрѣнія, рѣшительно не возможно раздѣлять между собою то, что соединено отношеніями госпожи и служавки. Если философіи и отведено служебное положеніе по отношенію къ богословію, то въ свою очередь она является госпожею наукъ низшихъ. Климентъ осуждаетъ тѣхъ, которые, установившись на наукахъ, составляющихъ собою пропедевтическій курсъ, всю жизнь посвящаютъ спеціальному изученію какой либо изъ нихъ. Съ его точки зрѣнія этого не должно быть. Всѣ эти науки, въ отдѣльности взятыя, не составляютъ философіи, но только ведутъ къ ней. Полно образованный

человѣкъ и особенно научный христіанинъ, гностикъ, долженъ знать все. Онъ заимствуетъ изъ каждой науки все, что относится къ истинѣ. Ему на пользу служатъ и музыка съ арифметикой, и геометрія съ астрономіей, и грамматика съ риторикой и діалектикой. На ряду съ этими науками Климентъ рекомендуетъ агрономію, науку мореплаванія и архитектуру, какъ полезныя въ томъ или другомъ отношеніи. Умственная способности каждаго субъекта требуютъ многого, продолжительнаго и тщательнаго ухода. Онѣ сначала бывають грубы. Пропедевтическія науки очищаютъ и утончаютъ ихъ. Онѣ упражняя умъ, пробуждаютъ понятливость, сообщаютъ разсудку строго логическое образованіе. Но науки имѣють благотворное вліяніе и на нравственность человѣка. Онѣ сосредоточиваютъ духъ человѣческой на самомъ себѣ, приучаютъ его къ самообладанію, къ самонаблюденію и самопознанію. Не одна природа, а ученіе дѣлаетъ людей честными и добрыми. Нечего уже говорить о пользѣ свѣтскаго образованія при объясненіи свящ. Писанія. Въ послѣднемъ встрѣчаются обоюдности и двухмысленности: надобно объяснить ихъ и истолковать. Что же дѣлаетъ въ этотъ случаѣ человѣкъ не ученый? Подобно тому, говоритъ Климентъ, какъ земледѣльцы орошаютъ землю, такъ и мы орошаемъ почву нашихъ учениковъ напиткомъ греческихъ наукъ, чтобы приготовить удобную для воспріятія почву, которая можетъ привести обильный плодъ. ¹⁾ Такъ обстоятельно Климентъ разъясняетъ вопросъ объ отношеніи энциклическихъ наукъ къ христіанской доктринѣ, объ ихъ важности и полезности для христіанскаго гностика.

Болѣе знаменитый, чѣмъ Климентъ, ученикъ послѣдняго, Оригенъ, какъ дѣятель на поприщѣ школьнаго преподаванія, послѣ выше приведенной оцѣнки учителемъ значенія энцикли-

¹⁾ См. подробнѣе въ нашей книгѣ—Восточная и западная школы во времена Караа Великаго и ихъ отношеніе между собою гл. 6. 313—315 стр.

БИБЛИОТЕКА

Лен. Гр. св. Дух. Академіи

ческихъ наукъ въ христіанской школѣ не имѣлъ уже нужды заниматься этимъ вопросомъ съ тою обстоятельностью, какъ это сдѣлалъ Климентъ. Но идеи учителя почли на гениальномъ ученикѣ. Послѣдній вполне сочувствуетъ первому. Вотъ что пишетъ по поводу вопроса объ отношеніи свѣтскихъ наукъ къ христіанскому богословію Оригенъ въ письмѣ къ своему любимому ученику, Григорію Чудотворцу: „Твоя врожденная способность могла сдѣлать тебя хорошимъ римскимъ правовѣдомъ и какимъ нибудь еллинскимъ философомъ, послѣдователемъ одной изъ извѣстныхъ школъ. Но я желалъ бы, чтобы ты всѣми силами твоего таланта совершенно предался христіанскому вѣроученію, какъ такой цѣли, для достиженія которой ты воспользовался бы и греческой философіей и энциклопедическими науками, и пропедевтической курсъ послужилъ бы для тебя пособіемъ къ христіанскому ученію и изъ геометріи и астрономіи ты извлекъ бы полезное для объясненія свящ. Писанія. Какъ ученики философовъ говорятъ о геометріи, музыкѣ, грамматикѣ, риторикѣ и астрономіи, какъ о служанкахъ философій, такъ и мы скажемъ объ этой самой философіи по отношенію къ христіанскому ученію. (Orig. epist. ad Gregorium n. 1. Migne. t. XI, gr. ser. 88 cal.).

Съ такими воззрѣніями на роль свѣтскихъ наукъ въ христіанскомъ образованіи приступили къ организациі перваго высшеучебнаго христіанскаго института знаменитые предстатели школы, Климентъ и Оригенъ. Первый, по собственному его заявленію, повторяетъ въ данномъ случаѣ Пантена (Stromat. I, 1), а Оригенъ, какъ мы видѣли, раздѣляетъ мысли Климента. Нельзя не замѣтить сходства въ ихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ со взглядами языческихъ философовъ. Климентъ и Оригенъ согласно заявляютъ, что въ этомъ отношеніи они примыкаютъ къ послѣднимъ. Это и не удивительно. Климентъ самъ былъ воспитанникомъ языческихъ философскихъ школъ, а Оригенъ, какъ самъ о себѣ говоритъ (Евсев. Церк. Истор. VI, 19), очень много вращался среди философовъ.

Если первый создалъ себѣ идеаль образованнаго чловѣка въ лицѣ философа, то понятно, что онъ не имѣлъ резона измѣнять своихъ воззрѣній на средства къ реализаціи идеала. Языческія философскія школы рекомендовали знаніе семи свободныхъ искусствъ въ качествѣ подготовительнаго, пропедевтическаго курса къ высшему объекту школы. По какимъ бы причинамъ могли не сочувственно отнестись къ этимъ мыслямъ Климентъ и Оригенъ? Рѣшительно не было мотивовъ въ принципѣ расходиться съ подобными воззрѣніями. Но, оставаясь вѣрными современнмъ философскимъ воззрѣніямъ на отношеніе энциклическихъ наукъ къ философіи, они низвели послѣднюю на степень служанки истиннаго вѣдѣнія, христіанской философіи. Подобная радикальная перемѣна въ группировкѣ предметовъ школьной программы обусловливалась самымъ существомъ дѣла. Странно было бы требовать отъ христіанскихъ организаторовъ школы, чтобы они оставили въ ней въ подробностяхъ языческую группировку предметовъ. Въ христіанской школѣ есть свой высшій объектъ преподаванія, не земная, богооткровенная философія. Знать и понимать ее—цѣль всего образованія. Послѣднее преслѣдуетъ ясную и опредѣленную задачу—образовать христіанскаго философа—гностика. Вся свѣтская ученость можетъ сослужить свою службу только въ качествѣ содѣйствующей, помогающей науки къ наилучшему уразумѣнію богооткровенныхъ истинъ. Вотъ въ чемъ заключается ея роль, не исключая и самой философіи. И такъ наши организаторы перваго высшеучебнаго заведенія на христіанской почвѣ усвоиваютъ себѣ воззрѣнія представителей языческихъ философскихъ школъ на отношенія энциклическихъ наукъ къ высшему объекту школьнаго преподаванія. И въ этомъ мы находимъ подтвержденіе высказанной нами выше мысли, что съ внѣшней стороны языческая философская школа послужила прототиномъ для высшаго учебнаго института на христіанской почвѣ.

Доселъ мы видѣли, съ какими воззрѣніями на идеалы школы, ея задачи и цѣли приступлено было къ организациі перваго христіанскаго высше-учебнаго заведенія. Теперь остается разсмотрѣть какъ въ дѣйствительности реализованъ былъ идеаль, какъ осуществлены были тѣ средства, которые въ теоріи рекомендовались въ качествѣ самыхъ надежныхъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ. Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что полного, обстоятельнаго, не оставляющаго желать ничего лучшаго отвѣта на нѣкоторыя подробности изъ поставленныхъ вопросовъ мы дать не можемъ по недостатку научныхъ данныхъ. Первая христіанская школа, ея организациа, идеалы и цѣли составляютъ до нашихъ дней предметъ разнорѣчивыхъ сужденій. Такіе авторитеты въ области науки, какъ Неандеръ, Герике, Маттэ и др. далеко не сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на эти пункты. Первый находитъ Александрійское огласительное училище учрежденіемъ, предназначеннымъ съ одной стороны для оглашенія язычниковъ, а съ другой — для образованія христіанскихъ дѣтей. (Allg. Gesch. d. Christl. Relig. und Kirche. B. 2, s. 248). Второй видитъ въ школѣ копію съ александрійскаго музея, съ тѣми же задачами и цѣлями, которыя преслѣдовались послѣднимъ (Guerike. De schola quae Alexandriae floruit catechetica. 1824 г. Hal. Sax. 20 p.). Послѣдній, наконецъ желаетъ смотрѣть на школу, какъ на духовную семинарію, или академію, съ спеціальною задачею приготовленія будущихъ пастырей церкви и учителей христіанскихъ школъ (Matter. Hist. de l'ecole d'Alexandrie t. 1, 288 p.). Безъ сомнѣнія таковыхъ разнорѣчивыхъ сужденій о школѣ, ея задачахъ и цѣляхъ быть бы не могло, если бы не представлялось широкой области догадамъ и предположеніямъ, въ виду неудовлетворительнаго состоянія источниковъ. На основаніи тѣхъ данныхъ, которые имѣлись въ свое время подъ руками и имѣются теперь у насъ, мы болѣе и болѣе приходимъ къ тому убѣжденію, что Александрійское огласительное училище, какъ высшее учебное заведеніе на хри-

христианской почвѣ, представляетъ изъ себя институтъ, организованный по примѣру и образцу философскихъ школъ, поставившій своею задачею преподаваніе свяд. Писанія, какъ божественной, высшей философіи. Это высшая христианская школа, но не духовная академія, или семинарія, съ узкою программю подготовленія достойныхъ кандидатовъ на высшія іерархическія должности, или преподавателей школъ. Это и не музей въ смыслѣ общества и союза любителей науки и, наконецъ, не училище, предназначенное только для оглашенныхъ и христианскихъ дѣтей. Александрійская школа была христианскою философскою школою, преслѣдовавшею прямую и опредѣленную задачу—высшее научное философское христианское образованіе. Доказательства нашей мысли мы видѣли уже въ томъ, что знаменитые организаторы Александрійскаго христианскаго училища усвоили себѣ воззрѣнія представителей языческихъ философскихъ школъ на идеаль образованнаго челоука, на средства къ реализаціи идеала и на значеніе энциклическихъ наукъ въ программѣ школьнаго преподаванія. Но эта мысль становится болѣе ясною, когда мы знакомимся со внутреннею организаціей школы, методами и приѣмами преподаванія наукъ, требовавшихся практиковавшимися программами.

Комплектъ учениковъ въ Александрійскомъ осласительномъ училищѣ безъ сомнѣнія былъ весьма разнохарактерный. Тутъ можно было встрѣчать и молодыхъ юношей, получившихъ воспитаніе и первоначальное образованіе въ семьѣ христианскихъ родителей, и пожилыхъ бородастыхъ философовъ, заинтересованныхъ доктриною христианскою, и разнаго рода сектантовъ. Всѣ они являлись въ школу съ разною степенью подготовки. Одни не знакомы были съ энциклическими науками, но за то знали элементарное христианское ученіе. Другіе, на противъ, являлись весьма свѣдущими въ первыхъ и равно ничево не слышавшими о послѣднемъ. Тѣ и другіе изъявляли желаніе поступить въ школу. Спрашивается, какъ

возможно было удовлетворить столь разнообразному комплекту желающих получать образование въ христіанскомъ училищѣ? Опытные христіанскіе организаторы школы нашли средство устранить это естественное неудобство. Они раздѣлили всѣ предметы программы школьнаго преподаванія на три группы, или, выражаясь языкомъ современныхъ намъ высшихъ школъ, на три курса. Первые два трактовались, какъ пропедевтическіе, подготовительные къ третьему, высшему. Въ практикѣ подобнаго дѣленія вѣтъ возможности сомнѣваться въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ Климента. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанныхъ для школы, Климентъ говоритъ слѣдующіе: „Педагогъ (такъ озаглавлено сочиненіе), раздѣленный нами на три книги, имѣетъ задачей воспитать и образовать *вышедшихъ изъ младенческаго возраста* и утвердить въ нихъ нравственный характеръ, — именно онъ начертываетъ правила жизни, которыя приличествуютъ вѣрѣ *послѣ оглашенія* и чрезъ упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ приготовляетъ къ гноясу души людей, *вписанныхъ въ число совершенныхъ*“ (Stromat. I. VI, с. 1).

Воспитанники до оглашенія, которыхъ Климентъ аллегорически называетъ находящимися въ младенческомъ возрастѣ, составляютъ первый курсъ, послѣ оглашенія — второй и вписанные въ число совершенныхъ — третій. Послѣдніе въ отличіе отъ слушателей первыхъ двухъ курсовъ носили наименованіе исотериковъ, а тѣ — эксотериковъ. Что въ Александрійской школѣ практиковалось дѣленіе учащихся на эксотериковъ и исотериковъ, въ этомъ также не можетъ быть сомнѣнія. Такое дѣленіе заимствовано изъ языческихъ философскихъ школъ. Оно практиковалось еще въ знаменитыхъ школахъ классической Греціи время Платона и Аристотеля и было не простою только формальностію, но вызывалось самымъ существомъ дѣла. Не удобно было преподавать предъ непосвященными то, что не могло быть достояніемъ всѣхъ и cadaго. Безъ сомнѣнія по этой же причинѣ введено оно было и въ хри-

стіанскую школу. Но наши организаторы желают обосновать законность подобнаго дѣленія на авторитетъ священнаго писанія. Климентъ утверждаетъ, что и Господь открылъ истину не многимъ, способнымъ принять и усвоить ее. Говорить обо всемъ предъ непосвященными значить дать дитяти въ руки ножъ. Мудрый апостолъ для іудеевъ былъ іудей, а для грековъ — грекъ (Stromat. I, 1). Оригенъ опирается на авторитъ Моисея и также апостола Павла. О первомъ говорится: *изыде Моисей и глагола людемъ* (числь 11, 24), и этимъ дается знать, «что пока Моисей поучался отъ Бога высшимъ тайнамъ, то пребывалъ внутри, въ божественномъ святилищѣ, а когда говорилъ народу, толпѣ, которая не можетъ проникать во святилище, то выходилъ вонъ.... Такъ точно всякій преподаватель и учитель церкви, если онъ говоритъ что нибудь о глубокихъ тайнахъ, если излагаетъ тайное и секретное между совершенными, то до тѣхъ поръ, пока онъ вращается въ этихъ глубинахъ, долженъ назваться находящимся внутри, во святилищѣ. Когда же говоритъ къ толпѣ и излагаетъ то, что полезно находящимся во внѣ, что можетъ слушать народъ, то находится онъ внѣ и говоритъ къ народу слова Божія. Такъ поступалъ и Павелъ.... (Origen. Sn. Num. homil VI). Такъ же точно разсуждаетъ Оригенъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ шестой книги «Строматъ», по поводу приведеннаго имъ мѣста изъ республики Платона, въ которомъ говорится, что ложь, не мыслимая въ Богѣ, можетъ однако имѣть мѣсто въ отношеніяхъ людей между собою: «И Богъ, говоритъ Оригенъ, когда требуетъ того польза слушающаго, говоритъ словами двухъмысленными, загадочными, чтобы и достоинство истины сохранить и скрыть подъ покровомъ то, что, будучи высказано явно, могло бы быть вредно. Человѣкъ же, которому предстоитъ необходимость сказать ложное, пусть имѣетъ въ виду, чтобы ложью воспользоваться, какъ нѣкоторую приправою и медикаментомъ, лишь бы только сохранилась мѣра ея и она не преступала бы границъ, которыми восполь-

овалась Іудифъ противъ Олоферна (Orig, Ex. libro VI Stromatogum). Указаніями примѣровъ Эфири и патриарха Іакова, какъ для нихъ ложь послужила во спасеніе, оканчивается отрывокъ. Предполагають, что Оригенъ въ дальнѣйшемъ развивалъ мысль Климента о необходимости для христіанскаго учителя высказываться ясно и опредѣленно относительно многихъ истинъ только предъ совершенными. (Труды Киев. Дух. Акад. 1870 г. 1, 125 стр.). И такъ, и въ этой частности, едва прикрываясь авторитомъ свящ. Писанія, знаменитые организаторы высшаго христіанскаго училища пересаживаютъ къ себѣ порядокъ древнихъ и современныхъ имъ философскихъ школъ.

Что же преподавалось такъ называемымъ эксотерикамъ? Какъ и по какимъ методамъ велось преподаваніе? Мы уже указали на то, что комплектъ студентовъ школы былъ весьма разнообразенъ. Особенно это нужно сказать о первыхъ курсахъ. Вниманію студентовъ, не знакомыхъ нисколько съ истинами христіанства, предстояло предложить эти послѣднія. При этомъ само собою разумѣется, что теперь имѣлись въ виду исключительно выходцы изъ язычества. Только для нихъ нужно было элементарное знакомство съ христіанствомъ. Это были курсъ младенцевъ во Христвѣ, людей оглашаемыхъ, готовящихся къ крещенію. Но прежде чѣмъ приступить къ ознакомленію съ истинами христіанства, нужно было удобрить почву для сѣмянъ новаго ученія. Эти младенцы во Христвѣ часто являлись зрѣлыми въ научномъ отношеніи, людьми съ опредѣленными воззрѣніями на язычество, приходившими въ школу часто въ видахъ полемическихъ. Многие, подъ вліяніемъ общихъ толковъ о христіанахъ, были враждебно настроены къ новому ученію. Отсюда являлось дѣломъ рѣшительной необходимости научное опроверженіе ихъ вѣрованій, взглядовъ и убѣжденій. Для таковыхъ всего умѣстнѣе было предложить критику язычества. Это и дѣлаетъ Климентъ въ своемъ „Увѣщательномъ словѣ“ (Протрентикъ). Названное сочиненіе можетъ быть разсматриваемо, какъ конспектъ лекцій, читан-

ныхъ Климентомъ предъ студентами перваго курса. Только съ этой точки зрѣнія можно объяснить тѣ явные противорѣчя во взглядахъ его на язычество, на отношеніе послѣдняго къ христіанству по сравненію съ тѣми воззрѣніями, которыя проводятся Климентомъ въ другомъ знаменитомъ курсѣ лекцій, читанныхъ студентамъ третьяго курса, исотерикамъ и посвящыхъ заглавіе—Стромать т. е. Узорчатыхъ ковровъ. Въ самомъ дѣлѣ студенты перваго курса суть люди непосвященные, несовершенные, питающіеся, по прекрасному выраженію Климента, молокомъ. Это дѣти, которымъ опасно давать въ руки ножъ. Весьма неблагоприятно и нецѣлесообразно было бы высоко ставить языческую науку, сближать послѣднюю съ христіанствомъ предъ людьми, симпатія которыхъ рѣшительно были на сторонѣ языческаго культа со всею его наукою. Напротивъ, теперь нужно было выставить на показъ всю пустоту языческихъ вѣрованій, всю безиррациональность культа, ничтожность науки, пропитанной до мозга костей ложными идеями, указать несравнимость язычества съ христіанствомъ ни въ источникахъ, ни въ результатахъ. Такъ поступаетъ и Климентъ. Протрентикъ его—это самая рѣзкая, безошадная критика всего язычества въ его теогоніяхъ, въ философіи и въ практической обыденной жизни. Въ устахъ Климента сами язычники говорятъ противъ себя. Масса выдержекъ изъ языческихъ авторовъ всего лучше могла засвидѣтельствовать въ глазахъ слушателей справедливость безошадной критики язычества въ устахъ и подъ перомъ знаменитаго христіанскаго учителя. Результатомъ критики является картина жалкаго состоянія язычества, потерявшаго истину и лишившагося средствъ спасенія. Въ противоположность язычеству христіанство является обладающимъ истиною и средствами спасенія. Такъ ведетъ дѣло Климентъ.— Не отличается въ этомъ отношеніи постановка предмета и при Оригенѣ. [Вотъ что пишетъ благодарища ученикъ, Григорій Чудотворецъ, въ своемъ пансирикѣ Оригену: Онъ знакомилъ насъ не съ однимъ только методомъ

философiи, но проводилъ чрезъ все, не допуская насъ быть неувѣдущими въ какомъ либо греческомъ ученiи. Но при этомъ онъ самъ шелъ рядомъ съ нами и велъ насъ за руку, какъ бы во время путешествiя; если встрѣчалось что либо ошибочное, невѣрное или обманчивое, какъ опытный художникъ, которому, при продолжительномъ занятiи наукою, не было ничего уже новаго, необычнаго и неизвѣстнаго, самъ оставаясь на твердой высотѣ, онъ простиралъ руку другимъ, извлекалъ какъ бы потопавшихъ и спасалъ. Такъ выбиралъ онъ у философовъ все, что было полезнаго и предлагалъ намъ, отдѣляя то, что было можно, и знакомилъ насъ со всемъ, но преимущественно съ тѣмъ, что способствуетъ благочестiю». (Greg. Nazianzen. in Orig. oratio paneg. n. XIV). Авторъ приведеннаго отрывка т. е. Григорiй Чудотворецъ былъ ученикомъ Оригена въ продолженiи пяти лѣтъ и сдѣлался таковымъ совершенно случайно. Въмѣстѣ съ своимъ братомъ проѣзжалъ онъ чрезъ Кесарiю Палестинскую въ Беритъ для научнаго юридическаго образованiя. Услышавъ въ Кесарiи о знаменитомъ учителѣ тамошней христіанской школы, онъ рѣшился познакомиться съ Оригеномъ и послушать его уроковъ. Оригенъ въ то время оставилъ Александрiю по неудовольствiямъ съ мѣстнымъ епископомъ Димитріемъ и, поселившись въ Кесарiи, успѣлъ организовать школу. Нѣсколько уроковъ, прослушанныхъ Григорiемъ, произвели рѣшительный переворотъ въ душѣ его. Онъ остался въ Кесарiи, отложивъ поѣздку въ Беритъ, для дальнѣйшаго образованiя, но уже не языческаго и началъ послѣднее съ перваго курса. Слѣдовательно, Григорiй является для насъ авторитетнѣйшимъ свидѣтелемъ, который былъ очевидцемъ преподавательской дѣятельности Оригена и всѣхъ школьныхъ порядковъ. Но нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что названный знаменитый учитель иначе велъ дѣло въ Александрiи. Въ Палестинѣ, и именно въ Кесарiи, мы застаемъ Оригена уже пожилымъ, послѣ долгихъ трудовъ и подвиговъ на поприщѣ учительства въ Алек-

сандриі. Это уже опытный преподаватель, примѣняющій въ Кесаріи все тѣ педагогическіе приемы, которые выработались у него подъ руководствомъ Климента и во время продолжительной личной практики въ качествѣ предстоятеля и преподавателя въ Александрійскомъ училищѣ. Историкъ Евсевій записалъ для насъ одно весьма характерное свидѣтельство о методахъ и приемахъ преподаванія Оригена. „Въ то время, пишетъ Евсевій объ Оригенѣ, къ ученію церковнаго православія обратился и Амвросій, который мыслилъ сперва согласно съ ересью Валентина, а потомъ убѣдился въ истинѣ, проповѣдуемой Оригеномъ, такъ—какъ-бы свѣтъ мгновенно озарилъ его сердце. Къ Оригену приходили и многіе другіе ученые мужи, привлекаемые повсюду разнесшеюся славою его имени, и желали удостовѣриться въ богатствѣ духовныхъ его познаній. Ревностно внимало ему безчисленное множество еретиковъ и не малое число знаменитѣйшихъ философовъ, учась у него не только божественной, но и вѣшней мудрости. Тѣхъ своихъ слушателей, въ которыхъ замѣтны были хорошія дарованія, Оригенъ вводилъ въ кругъ наукъ философскихъ, преподавалъ имъ геометрію, арифметику и другіе предуготовительные предметы, знакомилъ ихъ съ различными системами философовъ и объяснялъ написанныя ими сочиненія, дѣлая на каждое изъ нихъ свои замѣчанія и взгляды, такъ что у самыхъ язычниковъ прослылъ философомъ. Напротивъ слушателей простыхъ и менѣе образованныхъ заставлялъ онъ изучать науки, входившія въ кругъ обыкновеннаго воспитанія (Энциклическія), говоря, что эти знанія доставляютъ имъ не малое облегченіе въ уразумѣніи и изъясненіи божественныхъ Писаній. Для сей то особенно цѣли, познанія свѣтскія и философскія онъ почиталъ нужными и самому себѣ“. (Евсевій, Церк. Истор. кн. 6. гл. 18) — И такъ и Оригенъ предъ слушателями учеными, каковыми были философы и еретики, излагаетъ философскія системы съ критикою послѣднихъ, — иначе говоря, ведетъ дѣло такъ, какъ велъ его прежде Кли-

ментъ. — Вотъ чѣмъ занимались студенты перваго курса. Это были люди науки. Поэтому и преподаваніе имъ начиналось съ научнаго критическаго разсмотрѣнія философскихъ системъ. Само собою разумѣется, что преподавателямъ нужно было облечься во всеоружіе знанія языческой науки. Для Климентъа, вышедшаго изъ философскихъ школъ, эта послѣдняя была знакома въ наилучшей степени. Оригену же, питомцу христіанской семьи, пришлось изучать ее и для чего же? «Когда я прилежно, говорить о самомъ себѣ Оригенъ, занимался словомъ Божіимъ и молва о моихъ познаніяхъ далеко распространилась, тогда стали приходять ко мнѣ то еретики, то любители еллинскихъ наукъ, а особенно философы; посему я рѣшился излѣдовать и ученія еретиковъ, и мнѣнія философовъ объ истинѣ, — и сдѣлалъ это, во первыхъ, по примѣру Пантена, который еще до меня, чрезъ пріобрѣтеніе въ семь дѣлъ не малой оцѣтности, также оказалъ многимъ пользу...» (Евсевій. Церк. Истор. кн. 6. гл. 19). Стали приходять къ Оригену ученые люди, и онъ рѣшилъ прежде изучить ихъ науку, безъ сомнѣнія съ тою цѣлью, чтобы сдѣлаться наилучшимъ преподавателемъ по тому методу, о которомъ мы сказали выше. Насколько Оригенъ успѣлъ въ языческихъ философскихъ наукахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Порфирій, неоплатоническій философъ, лично знавшій Оригена. „Въ жизни онъ т. е. Оригенъ велъ себя по христіански, — противузаконно, а въ понятіи о вещахъ и божествѣ держался взгляда еллинскаго, и еллинское смѣшивалъ съ чуждыми баснями. Онъ постоянно обращался съ Платономъ, много занимается книгами Нуменія и Кронія, Аполлофана, Лонгина и Модерата, Никомаха и знаменитѣйшихъ пифагорейцевъ, пользовался также сочиненіями стоиковъ Херемона и Корнута и, изучивъ у нихъ способъ аллегорическаго объясненія греческихъ таинствъ, приложилъ его къ писаніямъ іудеевъ“ (ibid.). Неудивительно, что съ такою широкою подготовкою Оригенъ, какъ преподаватель школы, и у философовъ языческихъ прослылъ за философа.

Но въ то время, какъ знаменитые предстоятели Александрийской школы, Климентъ и Оригенъ, занимались съ одною частию лучшихъ студентовъ перваго курса всестороннимъ разборомъ язычества, лично руководя дѣломъ, что предлагалось вниманію другой части, представлявшей изъ себя или мало-возрастныхъ христіанскихъ юношей, или взрослыхъ христіанъ, несвѣдущихъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе изъявившихъ желаніе учиться? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта категория студентовъ начинала свое образованіе съ перваго курса, ибо третій предполагалъ уже знакомство съ пропедевтическимъ курсомъ наукъ. Не могли они по своей неподготовленности поступать и во второй курсъ, потому что и здѣсь требовалось значительное общее развитіе. Но если названная категория студентовъ начинала изученіе наукъ съ перваго курса, то само собою разумѣется, что она не имѣла ничего общаго съ первою группою. Это было въ школѣ особое отдѣленіе перваго курса. Здѣсь находились люди свѣдущіе въ томъ, къ чему направлялось преподаваніе въ первой группѣ т. е. они знали начатки христіанства и уже сподоблены были святаго крещенія, но совсѣмъ незнакомы съ тѣми науками, которыя составляли собою основу дальнѣйшаго образованія. Съ изученія послѣднихъ т. е. наукъ пропедевтическаго и элементарнаго курса и началось здѣсь дѣло. Евсевій, хотя и не особенно ясно, даетъ понять, что именно практиковалась такая постановка. Вотъ что пишетъ онъ: „Оригенъ увидѣлъ, что у него не достанетъ силъ заниматься основательнымъ преподаваніемъ предметовъ божественныхъ, изслѣдованіемъ и изъясненіемъ священнаго Писанія и сверхъ того оглашеніемъ приходящихъ, которые не давали ему покоя, наполняя его училище одни за другими съ утра до вечера. По этому онъ раздѣлилъ множество своихъ слушателей и, выбравъ изъ своихъ друзей Иракла, мужа ревностно занимавшагося предметами божественными, весьма свѣдущаго въ словѣ и не чуждаго философіи, сдѣлавъ его своимъ помощникомъ. Ему поручилъ онъ

преподаваніе первыхъ началъ только-что приступающимъ къ ученію, а себѣ предоставилъ заниматься съ болѣе совершенными“ (Цер. Истор. VI. 15). И такъ помощникъ Оригена, Иракль, занимался „съ только-что приступающими къ ученію“ т. е. съ такими студентами, которые начинали образованіе съ элементовъ. Это тѣ самые студенты, которыхъ мы помѣстили во второй группѣ перваго курса. Имъ преподавали не сами представители школы, а ихъ помощники. Почти всѣ представители училища имѣли у себя помощниковъ. Такъ у Климента исправлялъ должность помощника Оригенъ, а у Оригена — Иракль. Ахиллъ вмѣстѣ съ Піэріемъ и Θεогностомъ отправляли должность преподавателей школы, и Родонъ помогалъ Дидиму.

Заканчивался первый курсъ. Языческая группа студентовъ успѣвала въ элементарныхъ христіанскихъ истинахъ. Слѣдовало крещеніе, которое служило предверіемъ къ второму курсу. Послѣдній предназначенъ былъ исключительно для христіанъ. Вторая группа также успѣвала заявить себя подготовленною къ слушанію дальнѣйшихъ уроковъ. Изъ двухъ отдѣленій, если позволено будетъ выразиться такъ о первомъ курсѣ Александрійской школы, образовался одинъ второй курсъ. Что же преподается въ немъ? Какіе предметы предлагаются вниманію студентовъ, ищущихъ дальнѣйшее христіанское образованіе? „Педагогъ, такъ говоритъ Климентъ объ одномъ изъ своихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ школѣ, раздѣленный нами на три книги, имѣетъ задачею воспитать и образовать вышедшихъ изъ младенческаго возраста и утвердить въ нихъ нравственный характеръ, именно онъ начертываетъ правила жизни, которая приличествуетъ вѣрѣ послѣ оглашенія и чрезъ упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ приготовляетъ къ гносису души людей, вписанныхъ въ число совершенныхъ.“ Вотъ что предлагается вниманію студентовъ, вышедшихъ изъ младенческаго возраста и принявшихъ крещеніе. «Педагогъ» Климента составляетъ главный объектъ

преподаванія во второмъ курсѣ. Мы знаемъ науку, именуемую педагогикой, трактующую о наилучшихъ приѣмахъ и методахъ воспитанія дѣтей и юношей. «Педагогъ» Климента и есть именно педагогика; но излагаются ней руководящія правила поведенія не школьниковъ только, а христіанъ вообще. Это цѣлая система нравственнаго богословія. Въ ней взъ одного кореннаго начала выводится идеаль христіанской жизни и рекомендуются средства для его осуществленія. Климентъ имѣеть въ виду воспитать будущаго христіанскаго гностика. Задавшись такою цѣлью, онъ первѣе всего рисуетъ образъ Того Высшаго педагога, Который есть никто иной, какъ самъ Богъ, Второе лицо Святой Троицы, вѣчный, безгрѣшный, воплотившійся по волѣ Отца. Неземной педагогъ требуетъ отъ насъ чтобы мы угодоблялись Ему въ своей жизни. Вотъ идеаль той педагогики, которая рекомендуется Климентомъ. Она имѣеть цѣлью не столько научить, сколько воспитать, улучшить душу до угодобленія Христу. Какія же средства для этого? Во первыхъ—высшая, небесная помощь, ибо нашъ Педагогъ, говоритъ Климентъ, имѣеть власть исцѣлять всѣ недуги души, поелику Онъ есть Богъ. Во вторыхъ—наша самодѣятельность. Намъ вмѣняется въ обязанность исполнять всѣ заповѣди Христа и устроить свою жизнь сообразно съ требованіями послѣднихъ. Какъ же можетъ устроить свою жизнь подъ руководствомъ Педагога каждый христіанинъ? Климентъ слишкомъ подробно излагаетъ правила христіанской жизни и поведенія. Явленія общественной и семейной жизни обращаютъ на себя вниманіе. Онъ, напримѣръ, во второй книгѣ своего „Педагога“ даетъ подробныя наставленія относительно употребленія пищи, питія, домашней утвари, поведенія въ собраніяхъ, говоритъ о смѣхѣ, неприличныхъ разговорахъ, о поведеніи въ сообществѣ съ другими, объ употребленіи вѣщцовъ и коронъ, о свѣ, супружескихъ отношеніяхъ, о нарядахъ и дорогихъ украшеніяхъ. Третья книга разсматриваемаго сочиненія служитъ непосредственнымъ продолженіемъ второй. Кли-

ментъ представляетъ здѣсь дальнѣйшее выясненіе правилъ поведенія христіанина, — сообщаетъ понятіе объ истинной красотѣ, вооружается противъ тщеславія въ нарядахъ и убранствѣ женщинъ, говоритъ о томъ, какъ нужно вести себя въ баняхъ и ради какой нужды ходить въ нихъ, какія изъ тѣлесныхъ упражненій позволительны христіанину, почему можетъ назваться христіанинъ богачемъ и т. под. Руководящимъ принципомъ дѣятельности христіанина, по Клименту, является умѣренность. Не предписываетъ Климентъ аскетическаго воздержанія въ пищѣ, питъѣ, одеждѣ, супружескихъ отношеніяхъ и т. под., но вооружается противъ злоупотребленій всѣмъ этимъ. Во всѣхъ наставленіяхъ Климента ясно проглядываетъ та мысль, что наше поведеніе должно отличаться достоинствомъ и разумнымъ тактомъ, но не крайнимъ напряженіемъ. Нельзя удивляться тому, что во многихъ случаяхъ наставленія Климента мелочны, слишкомъ обыденны. Его ученики только-что успѣли выйдти изъ круговорота языческой жизни. Если съ трудомъ преодолеваются привычки и склонности прежней жизни, то, конечно, слишкомъ мало было — бы указать только на общій принципъ христіанской жизни безъ подробныхъ разъясненій болѣе частныхъ пунктовъ изъ кодекса морали.

Нельзя встрѣтить замѣтной разности и въ преподаваніи нравственныхъ правилъ Оригеномъ. По свидѣтельству Григорія Чудотворца, Оригенъ съ большими похвалами говорилъ о философіи и ея любителяхъ, утверждая, что они только одни могутъ хорошо жить и устроить жизнь по началамъ разума. Потомъ убѣждалъ онъ, что прежде всего нужно стремиться къ добру и избѣгать зла, порицая при этомъ тѣхъ, которые цѣль жизни поставляютъ во внѣшнихъ наслажденіяхъ. Много говорилъ онъ о необходимости „быть господиномъ себя“. Я не могу, говоритъ Григорій Чудотворецъ, и сказать всего, какъ много говорилъ онъ намъ, убѣждая насъ къ философіи. Ему казалось, что неприлично, неблагочестиво предъ Господомъ челоуѣку, надѣленному разумомъ, этому господину природы,

обходиться безъ философіи“. Съ особеннымъ сочувствіемъ Оригенъ относился къ нравственной философіи. Главною заботою его было обратить ученика къ самопознавію, приучить заботиться болѣе всего о собственномъ духовномъ совершенствѣ (Greg. Thaum. in Orig. pneg. n. XI). Само собою разумѣется, что для Оригена послѣ Климентова „Педагога“ не было нужды заявляться съ школьнымъ руководствомъ, повторяющимъ въ подробностяхъ вышеуказанное сочиненіе Климента. Довольно, если онъ останется вѣренъ тѣмъ руководящимъ принципамъ, которые указаны послѣднимъ. Быть можетъ, Григорій Чудотворецъ говорить о занятіяхъ Оригена съ совершенными т. е. проходившими послѣдній высшій курсъ школы; но въ этомъ случаѣ едвали можетъ возникнуть какое либо сомнѣніе въ томъ, что основная мысль его нравственной доктрины не измѣнялась для слушателей втораго курса.

Мы познакомились съ постановкою главнаго объекта преподаванія во второмъ курсѣ. Но нельзя и думать, что это былъ единственный предметъ школьнаго преподаванія. Есть вся вѣроятность предполагать, что на ряду съ этимъ главнымъ объектомъ преподаванія шло дальнѣйшее изученіе наукъ энциклическихъ. Правда, что половина студентовъ была прекрасно знакома съ ними. Но при всемъ томъ повтореніе было неизлишне, а главное, теперь предлагалось иное освѣщеніе, иная точка зрѣнія на значеніе и роль предметовъ въ программѣ христіанской школы. Энциклическія науки разсматриваются, какъ помогающія усвоенію христіанской философіи. Съ этой точки зрѣнія и ведется ихъ преподаваніе. Безъ сомнѣнія въ этомъ заключалась новизна постановки и весь интересъ изученія наукъ пропедевтическаго курса даже для философски образованныхъ студентовъ. Нечего уже говорить о второй половинѣ студентовъ, которые начали свое образованіе только съ перваго курса христіанской школы. Для нихъ тутъ все было ново и интересно. Мы увидимъ ниже, что програма подготовительныхъ наукъ не заканчивалась во второмъ курсѣ. Онѣ

преподаютъ и въ третьемъ, но уже съ иной окраской, съ инымъ освѣщеніемъ. Опытные организаторы школы вездѣ наблюдали постепенность и нерѣзкіе переходы. Однако они придавали весьма важное значеніе постановкѣ свѣтскихъ наукъ съ вышеуказаннымъ оттѣнкомъ, а потому сами руководили преподаваніемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ поручая его своимъ помощникамъ.

Знакомые съ элементарными истинами христіанства, узнавшіе основные принципы христіанской жизни и дѣятельности, студенты втораго курса переходили въ третій. Они причислялись къ категоріи избранныхъ, исотериковъ, акроатовъ высшей науки, высшаго христіанскаго гносиса. Теперь наступалъ моментъ, когда реализація идеала подвигалась къ концу. Видѣнъ уже былъ предѣлъ школьнаго образованія. Особенная близость студентовъ къ преподавателямъ, самыя искреннія, душевныя отношенія между тѣми и другими, — вотъ что характеризуетъ положеніе студентовъ третьяго курса, исотериковъ, въ отличіе отъ учащихся въ первомъ и во второмъ, эксотериковъ. Это уже не дѣти, которымъ опасно давать въ руки ножъ. Нѣтъ, здѣсь всѣ совершенные, которымъ доверяются всѣ тайны христіанской науки. Здѣсь нѣтъ мѣста секретамъ. Все, что только чувствуетъ учитель, что онъ мыслить, все это дѣлается достояніемъ учениковъ; но все это не должно выноситься за стѣны школы. Положеніе учащихся въ третьемъ курсѣ Александрійскаго христіанскаго училища было аналогично съ положеніемъ исотериковъ въ языческихъ философскихъ школахъ. Безъ сомнѣнія, знаменитые организаторы высшаго христіанскаго учебнаго заведенія заимствовали указанный порядокъ изъ школъ языческихъ.

Что же преподавалось акроатамъ высшей христіанской науки, исотерикамъ школы? Христіанская философія — кратко отвѣтимъ мы. Однако этотъ отвѣтъ требуетъ подробнаго и обстоятельнаго выясненія. Христіанство не есть философія. Оно предлагаетъ положительныя истины, высшія, неземныя,

богооткровенныя. Философія, напротивъ, ограничивается проблемами и неустойчивыми гипотезами. Не даромъ языческіе философы время христіанства, послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ ихъ предковъ найти истину, пришли къ убѣжденію, что истина не можетъ быть полнымъ достояніемъ человѣчества, что задача и цѣль жизни философа состоитъ въ томъ, чтобы онъ искалъ ее, по мѣрѣ своихъ силъ, стремился къ ней и, по возможности, только приближался. Значить, съ этой стороны философія повидимому далеко отстоитъ отъ христіанства и несравнима съ нимъ. Какимъ же образомъ организаторы Александрійскаго училища нашли возможнымъ измыслить и поставить въ качествѣ высшаго объекта школьнаго преподаванія христіанскую философію? Они трактуютъ христіанство, какъ доктрину богооткровенную, высокую, неземную по содержанию. Слѣдовательно, это не философія. Ясно, что вопросъ долженъ былъ по видимому сводиться только къ формѣ. Хотя христіанство содержитъ въ себѣ положительныя истины, однако послѣднія изложены въ немъ ненаучно. Если придать откровенному ученію видъ научной системы, то тогда она явится въ формѣ философіи. Это одно. Но и въ самомъ содержаніи христіанской доктрины представляются вниманію читателя такіе пункты, которые излагаются неясно, развиваются неполно, а нѣкоторые совсѣмъ обойдены молчаніемъ. По мнѣнію Оригена, апостолы, проповѣдуя ученіе Христа, ясно, въ простой и общедоступной формѣ передали только самое необходимое для всѣхъ, но о многомъ намѣренно умолчали, представивъ трудъ уясненія неизбѣжныхъ вопросовъ — откуда и почему (*quomodo aut unde sint*) любителямъ истины, надѣленнымъ особенными дарами краснорѣчія, мудрости и знанія (*De princip. praefat. n. 3*). Значить, христіанство о многомъ сообщаетъ прикровенно. Задача гностика, христіанскаго философа, раскрыть тайны, вызнать истину, сокрытую отъ простыхъ вѣрующихъ. Истина дана, но въ иныхъ мѣстахъ прикровенно, а въ другихъ неполно. Въ божественномъ открове-

ни, съ точки зрѣнія александрійскихъ ученыхъ, сообщено самое необходимое для спасенія; многое же другое, о чемъ спрашиваетъ пытливый умъ, предоставлено рѣшенію даровитыхъ натуръ, христіанскихъ философовъ. Итакъ, и въ христіанствѣ есть много такихъ пунктовъ, которые представляютъ мудрецу случай проявить дары своего ума, досказать намѣренно недосказанное апостолами. Это еще не все. Христіанскій философъ, стоя на почвѣ откровенія, долженъ привести всѣ боготкровенныя истины въ систему, въ порядокъ, такъ чтобы онѣ являлись облеченными въ научную форму. Соедините послѣднее съ первымъ, и вы получите христіанскую философію. Философъ христіанскій отличается отъ языческаго только тѣмъ, что онъ стоитъ на твердой почвѣ въ большей части случаевъ. Откровеніе гарантируетъ его отъ всѣхъ возможныхъ уклоненій и отъ разнаго рода погрѣшностей. Оно же освобождаетъ философа отъ излишнихъ проблемъ и гипотезъ. Но все это нужно сказать только о части содержанія христіанской доктрины. Откровеніе не освобождаетъ отъ необходимости строить гипотезы и разнаго рода догадки относительно тѣхъ вопросовъ, которые не рѣшены имъ и которые тѣмъ не менѣе желательно знать. Что касается технической стороны, внѣшней формы, то она въ равной степени необходима какъ для языческой, такъ и для христіанской философіи. Съ этой стороны нѣтъ различія между тою и другою.

Опредѣляя христіанство, какъ высшую философію, александрійскіе учителя должны были и взглянуть на постановку этого предмета съ точки зрѣнія общепринятаго тогда метода преподаванія его въ философскихъ школахъ. Съ этой стороны языческая ученость опять должна была заплатить свою дань христіанству. Но къ чему стремилась современная Клименту и Оригену языческая философія? Неоплатонизмъ отнюдь не претендовалъ исключительно на степень отвлеченной философской системы. Его задачей было удовлетворить всѣмъ нуждамъ, потребностямъ и запросамъ своего времени. Древній міръ былъ близокъ къ разложенію и упадку. Безвѣріе въ области рели-

гн, скептицизмъ и какая-то безнадежность въ философіи, нравственная распущенность въ семейной и общественной жизни— вотъ черты, которыми кратко можно характеризовать языческое общество того времени. Полный надеждъ на исправленіе и радикальное измѣненіе всѣхъ сторонъ жизни, еще въ ту пору юный, неоплатонизмъ прежде всего ищетъ единенія, связи философіи съ религіей. Философскому скептицизму и религіозному индефферентизму онъ противопоставляетъ религіозно-философскую систему, представляющую изъ себя результатъ изученія и примиренія всѣхъ прежнихъ системъ съ одной стороны, а съ другой примѣренія всѣхъ вѣрованій и религіозныхъ традицій не только греко-римскихъ, но и другихъ національностей. Путемъ эклектизма неоплатонизмъ надѣется создать религіозно-философскую систему, которая можетъ удовлетворить всѣмъ запросамъ человѣческаго духа. Результатомъ этого явится улучшеніе жизни людей во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это самая высшая задача философіи. По этому она должна подробно и полно трактовать о средствахъ, ведущихъ къ цѣли-счастью. Къ тому же стремились и другія философскія секты того времени. Словомъ, въ ту пору философія мыслилась по преимуществу, какъ наука практическая.

Обращаясь къ философіи христіанской, какъ высшему объекту школьнаго преподаванія, мы замѣчаемъ удивительно сходныя представленія о ней въ умахъ знаменитыхъ организаторовъ Александрійскаго огласительнаго училища съ понятиями языческихъ философовъ. Христіанская философія представляетъ изъ себя систему богооткровенныхъ истинъ, пополненную въ нѣкоторыхъ пунктахъ изслѣдованіями даровитыхъ людей. Но эти истины не теоретическаго только характера, но и нравственно-практическія. По этому философія христіанъ, какъ высшій предметъ преподаванія школы, должна научить исотерика, акроата истинной науки, не спекулятивнымъ только истинамъ, но и сдѣлать его мудрецомъ въ общезвѣстномъ тогда смыслѣ, христіанскимъ гностикомъ. Организаторы христіанскаго высшаго училища надѣются приготовить въ немъ

борцевъ за истину противъ всѣхъ нападковъ языческихъ мудрецовъ міра сего и разныхъ еретиковъ, разумно обосновать положительную богооткровенную истину, освѣтить ее предъ сознаниемъ путемъ науки и вывести изъ нея слѣдствія, непосредственно относящіяся къ жизни христіанскаго гностика. Слѣдовательно, и въ христіанской высшей философской школѣ имѣется съ одной стороны въ виду теорія, а съ другой практика. Та и другая идутъ рука объ руку въ преподаваніи учителей школы. Послѣдніе преподаютъ и вмѣстѣ назидаютъ. Въ ихъ устахъ и подъ ихъ перомъ христіанская философія является системою религіозно философскою. Она должна съ одной стороны изложить догматы вѣры, рѣшить всѣ запросы человѣческаго ума, а съ другой удовлетворить потребностямъ чувства и воли. Вотъ общій планъ христіанской философіи. — Есть нѣкоторое различіе въ выполненіи этого плана подъ перомъ и въ устахъ Климента и Оригена. Въ то время какъ первый какъ бы преднамѣренно избѣгаетъ системы, второй стремится къ ней. Климентъ создаетъ «Узорчатые ковры» — Строматы, въ которыхъ рѣчь постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, внезапно прерывается и предлагаетъ совсѣмъ не то, чего бы слѣдовало ожидать по связи, которые самъ Климентъ сравниваетъ съ цвѣтущимъ, но нераспланированнымъ садомъ, гдѣ цвѣты и деревья разныхъ сортовъ растутъ въ естественномъ безпорядкѣ. Оригенъ группируетъ истины, сводитъ ихъ къ одному центру. Но это внѣшняя сторона. Со стороны же внутренняго содержанія Оригенъ дополняетъ Климента.

„Строматы“ Климента представляютъ собою не вполне законченную христіано-философскую систему. Въ ней на первомъ планѣ и рельефнѣе выступаетъ практическая сторона, но мало сравнительно развита теоретическая, спекулятивная. Климентъ начертываетъ образъ христіанскаго философа. Вотъ какимъ онъ является въ устахъ и подъ перомъ его. Христіанскій гностикъ — это человѣкъ, которому доступна область вся-

каго знанія. Онъ высоко цѣнитъ языческую науку. Теперь Климентъ уже не является такимъ ригористомъ въ своихъ воззрѣнїяхъ на нее, какимъ мы видѣли его въ первомъ курсѣ. Философія со всѣми родственными ей науками получила свое начало отъ Бога. Поэтому ни съ чѣмъ несообразно было-бы пренебрегать ею. Завершеніемъ всего съ научной стороны является знаніе свящ. Писанія и церковнаго преданія. Со стороны практической христіанскій философъ не только знаетъ, но и исполняетъ. Его дѣятельность неразрывна съ вѣрою. Критеріемъ для оцѣнки дѣятельности гностика являются заповѣди Божїи. Онъ поступаетъ во всемъ сообразно съ требованіями послѣднихъ. Христіанскій гностикъ подобенъ ангеламъ, незлобивъ, терпѣливъ, добродѣтеленъ, скромнъ, умѣренъ и святъ.—Итакъ, гностикъ долженъ знать все, что доступно вѣдѣнію человѣка. Стремясь реализовать это требованіе, преподаватели христіанской школы должны были воспроизвести сполна весь свѣтскій курсъ наукъ, преподававшихся еще прежде. Теперь нѣтъ мѣста ограниченіямъ, урѣзываніямъ программъ. Студенты третьяго курса суть люди совершенные. Для нихъ безопасно было сообщить, что и языческая наука отъ Бога, хотя ее исказили въ подробностяхъ представители языческой учености. Вотъ особенности, которыя характеризуютъ собою постановку свѣтскихъ наукъ въ третьемъ курсѣ. Завершеніемъ его является высшая христіанская наука. Климентъ впрочемъ оставилъ въ нѣкоторой тѣни теоретическіе, спекулятивные вопросы изъ этой науки. Такъ по крайней мѣрѣ это является въ «Строматахъ» его.

Оригенъ стремился пополнить пробѣлы въ системѣ Климента. Онъ по преимуществу является предъ нами, какъ теоретикъ богословъ-философъ. Уже одно это влекло Оригена въ область метафизическихъ вопросовъ. Въ предисловіи къ своему знаменитому конспекту лекцій, читанныхъ студентамъ третьяго курса и носящихъ заглавіе «о началахъ» онъ помѣстилъ программу вопросовъ своей философской системы, ко-

торая представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Богъ то, что ясно содержится въ апостольской проповѣди: Единъ есть Богъ, Который создалъ все... Богъ всѣхъ праведныхъ... Богъ ветхаго и новаго завѣтовъ, пославшій Господа нашего Иисуса Христа. Иисусъ Христосъ рожденъ отъ Отца прежде всего, на послѣднокъ дней, содѣлавшись человѣкомъ, воплотился, пребывая Богомъ, страдалъ, воскресъ изъ мертвыхъ. Духъ Святой соединенъ съ Отцемъ и Сыномъ честію и достоинствомъ... Онъ вдохновлялъ каждого изъ святыхъ пророковъ и апостоловъ... Душа есть субстанція, имѣющая жизнь сама въ себѣ... За земною жизнью послѣдуетъ воскресеніе и жизнь вѣчная съ ея наградами и наказаніями... Душа разумна и надѣлена свободною волею... Существуетъ діаволь и ангелы его... Было начало и будетъ конецъ міра... Писанія священныя вдохновлены Св. Духомъ... Существуютъ ангелы Божіи, но когда они созданы, какими и какимъ образомъ—это не выясняется... О солнцѣ же, лунѣ и звѣздахъ, одушевлены-ли онѣ, или нѣтъ—ясно не говорится“ (п. 4—10). Всѣ эти вопросы Оригенъ старается рѣшить на почвѣ свящ. Писанія и церковнаго преданія. Тамъ, гдѣ въ названныхъ источникахъ не достаетъ для рѣшенія твердыхъ основаній, Оригенъ прибѣгаетъ къ гипотезамъ, разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, выдавалъ ихъ именно за таковыя (см. de princ. I. 1. с. 6. п. 4. II, 2, 2; 9, 8 и др.). Прекрасно характеризуетъ въ этомъ случаѣ методъ преподаванія Оригена ученикъ и защитникъ его, св. мученикъ Памфилъ: “Мы часто видимъ, пишетъ Памфилъ, что онъ (Оригенъ) высказывается съ великимъ страхомъ Божіимъ и со всякимъ смиреніемъ и проситъ снисхожденія, если при разьясненіи и изслѣдованіи Писанія его уму встрѣтится недоумѣніе: когда что либо излагаетъ онъ, часто прибавляетъ, что онъ не выдаетъ своего мнѣнія за нѣчто определенное, не называетъ его догматомъ, но по мѣрѣ силъ только изслѣдуетъ и объясняетъ смыслъ Писанія и не говоритъ, что онъ объявляетъ его совершеннымъ образомъ, но только старается проникнуть какъ

можно болѣе, хотя не увѣренъ, достигъ-ли онъ желаннаго совершенства. Относительно многого онъ колебался, принимался за рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ и однако не давалъ рѣшенія ихъ, но со всякимъ смиреніемъ и искренностію не стыдился заявить, что этого рѣшить онъ не въ силахъ. Часто мы слышали отъ него... что если кто лучшее выскажетъ или изложитъ относительно того, о чемъ онъ разсуждалъ, то должно скорѣе принять мнѣніе того, кто высказалъ лучшее, чѣмъ мнѣніе его самаго. Кромѣ того мы знаемъ, что онъ предлагалъ различныя рѣшенія какого-либо вопроса и тѣмъ, которые знакомы съ Писаніемъ, со всякимъ уваженіемъ предлагалъ избрать и держаться того, что благоразумный читатель найдетъ болѣе правильнымъ: и это, конечно, въ силу того, что онъ не скрывалъ, что не все, чего онъ касался и о чемъ разсуждалъ, они должны считать за вѣрное и рѣшительное, потому что въ свящ. книгахъ многое изложено таинственно и сокрыто въ тайнѣ. (Apolog. Pamph. Martyr. pro Origene. Praefat.). Но при всемъ томъ мы не можемъ не сказать, что несчастная мысль уяснить вопросы „quomodo aut unde sint“, о чемъ намѣренно умолчали апостолы, заставила Оригена внести въ христіанскую философію многое, заимствованное изъ древней и современной ему языческой доктрины.

Четвертая книга Оригенова конспекта лекцій по христіанской философіи посвящена вопросу о руководящихъ правилахъ экзегесиса. Была настоятельная нужда познакомить студентовъ съ этой стороною христіанской философской науки. Враги церкви, начиная съ язычниковъ и кончая іудеями, полемизируютъ съ христіанами на этой почвѣ. Цельсъ упрекаетъ христіанъ въ невѣжество въ силу того, что они привязаны къ буквѣ, не понимаютъ и не могутъ понимать духа своихъ символическихъ книгъ. Оригенъ, опровергая его, указываетъ на то, что среди христіанъ найдется много людей, которые понимаютъ аллегорію. Подобное указаніе имѣло свое

значение и по отношенію къ александрійскому іудею и гностику. Александрія была пріютомъ аллегорическаго метода толкованія авторитетныхъ письменныхъ произведеній. Имъ пользуются одинаково люди противоположныхъ лагерей. Язычникъ, іудей и отщепенецъ отъ церкви въ равной мѣрѣ только ему одному придаютъ особенную важность и значеніе. Нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти лица ведутъ научную полемику съ христіанами. Послѣднимъ приходится бороться съ ними. Понятно, что борьба можетъ быть успѣшною только подъ условіемъ, если она будетъ вестись на той самой почвѣ, на которой стоятъ противники. Аллегористу философу, іудею и гностику нельзя было противопоставить никакого другаго метода, кромѣ аллегоріи. Климентъ вооружается противъ фантастически-аллегорическихъ приемовъ толкованія Писанія со стороны гностиковъ, но отнюдь не рекомендуетъ, въ противовѣсъ имъ, другаго метода, какъ лучшаго. Онъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что аллегорическій приемъ толкованія Писанія наилучшій, но вооружается только противъ крайняго произвола, до наглости безцеремоннаго обращенія съ текстомъ.

✓ Климентъ однако только указалъ приемы толкованія, но не создалъ никакой научной теоріи, не указалъ подробныхъ руководящихъ правилъ экзегесиса. Это сдѣлалъ его ученикъ, Оригенъ. Послѣдній развиваетъ, дополняетъ мысли Климента и во многомъ идетъ гораздо далѣе его. Оригенъ различаетъ въ свящ. Писаніи троякій смыслъ: буквальный или историческій, нравственный и таинственный. Первый приличенъ только начинающимъ, толцѣ, неспособной возвыситься до духовнаго пониманія свящ. книгъ. Простые люди, но не гностики способны извлечь изъ него для себя назиданіе. Насколько Оригенъ низко смотритъ на историко-грамматическій методъ объясненія Писанія, настолько онъ возвышаетъ аллегорическій. Послѣдній въ глазахъ его является единственно достойнымъ и надежнымъ для пониманія бездны премудрости, скрытой въ Писаніи. Какъ по отношенію къ Ветхому Завету, такъ и къ

Новому аллегорія найбільше приложима. Все священное писаніе en masse «имѣетъ таинственный смыслъ, но не все буквальный». Кратко основное положеніе Оригена о примѣненіи буквального смысла въ Писаніи можно формулировать такъ: всѣ нравственные правила и предписанія, касающіяся внутренняго совершенства челоуѣка, нужно понимать буквально. Этотъ же смыслъ нужно придавать нѣкоторымъ историческимъ повѣствованіямъ о событіяхъ, мѣстностяхъ и т. под. Но если здѣсь возможны еще большія ограниченія, то со всею рѣшительностію Оригенъ заявляетъ о непригодности буквального пониманія предписаній, касающихся внѣшности, обрядовой стороны, различныхъ церемоній. Далѣе, не смотря на сдѣланную уступку относительно буквального пониманія нѣкоторыхъ историческихъ событій, Оригенъ почти возводитъ на степень общеобязательнаго правила аллегорическое объясненіе историческихъ фактовъ. Различные города и мѣстности, упоминаемые въ Писаніи, являются образами духовныхъ неземныхъ. Словомъ, представители Александрійской школы стараются по преимуществу вездѣ отыскивать таинственный смыслъ. Задачею гностика, съ ихъ точки зрѣнія, было отыскать «тѣню и образами какихъ небесныхъ благъ служатъ сущеіе по плоти іудей, прообразъ чего есть весь законъ и не только законъ, но и евангеліе, которое также служитъ только символомъ евангелія вѣчнаго-духовнаго».—Таковы руководящія правила экзегесиса, рекомендованные благоустроителями перваго христіанскаго высшеучебнаго заведенія.

Мы закончили обзоръ постановки предметовъ третьяго курса. И въ этомъ послѣднемъ языческая философская школа оказала свое вліяніе на высшій христіанскій учебный институтъ. Мы не говоримъ уже о существенномъ вліяніи языческой философской доктрины на христіанскую философію знаменитыхъ представителей александрійской школы. Въ данномъ случаѣ для насъ важна внѣшняя формальная сторона. Языческая философія имѣла своею задачею улучшить жизнь лю-

дей, сдѣлать ихъ счастливыми. И христіанская философія первѣ всего преслѣдуетъ практическія цѣли. Какъ въ первой теоретическіе вопросы далеко стоять не на первомъ планѣ, такъ точно и въ послѣдней. Климентъ поставилъ совсѣмъ въ тѣни метафизику христіанской философіи, и только Оригенъ пополнилъ пробѣлы въ системѣ его. Изъ трудовъ обоихъ составилъ величественный и цѣльный образъ христіанской философіи. Подобно тому какъ языческая философія стремилась путемъ эклектизма къ высшему единству, система христіанскихъ философовъ указываетъ также это высшее единство, изъ котораго, какъ изъ исходнаго пункта, развиваются дальнѣйшія мысли. Это единство полагается въ христіанскомъ гносісѣ, который кратко можетъ быть опредѣленъ, какъ дѣятельно-научная вѣра, или итогъ, результатъ научной вѣры. Какъ языческая философія рекомендовала научное образованіе, въ качествѣ весьма важнаго прецедента для достиженія цѣли, такъ и христіанскій гностикъ подаетъ руку примиренія языческимъ наукамъ. Во имя единства, примиряющаго всѣ направленія и разрѣшающаго всѣ противорѣчія, христіанскіе философы переступаютъ даже границы законнаго предѣла при опредѣленіи отношенія философіи къ христіанству.

Нужно-ли говорить о томъ, что идеаль Александрійской школы былъ реализованъ въ возможно наилучшей степени совершенства. Она воспитывала христіанскихъ гностиковъ, философовъ, которые способны были выступить на борьбу съ языческою ученостію и доставить христіанству желанную побѣду, людей образованныхъ, просвѣщенныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Достаточно вспомнить имена знаменитыхъ ученыхъ мужей, вышедшихъ изъ Александрійскаго огласительнаго училища, чтобы видѣть, что школа удовлетворяла всѣмъ тѣмъ запросамъ, которые предъявлялись ей со стороны современной христіанской общины.

Въ послѣднихъ годахъ третьяго вѣка въ Сирійской Агіохіи положено было начало другой высшей христіанской

школь. Два ученых пресвитера, Лукіанъ и Дороеей, основывают школу, а знаменитый Діодоръ Тарсійскій возводитъ ее на степень вышшаго учебнаго заведенія.

Какой же идеаль созданъ былъ для Антиохійской школы? Въ чемъ поставлялась здѣсь задача школьнаго образованія? Организаторамъ школы хорошо былъ извѣстенъ идеаль образованія, рекомендованный Александрійскимъ огласительнымъ училищемъ. Безъ сомнѣнія знали они и о средствахъ, которыми достигалась реализація идеала. Предстояло или скопировать сполна организацію названной школы, или подвергнуть ее измѣненію соотвѣтственно вновь проявившимся запросамъ и потребностямъ образованія.

Антиохійская школа появилась и развилась среди другихъ обстоятельствъ сравнительно съ Александрійскою. Основатели и продолжатели ея не имѣли уже въ виду широкой полемики съ язычествомъ. Последнее видимо клонилось къ упадку. Не появляется болѣе со стороны языческихъ философовъ и риторовъ полемическихъ трудовъ, достойныхъ вниманія христіанскаго ученаго. Ко времени развитія Антиохійской школы язычество начинаетъ уже трактоваться, какъ *religio paganorum*. Но если слабо было язычество, то въ Сиріи имѣли нѣкоторое значеніе іудеи. Здѣсь они такъ же, какъ и въ Александріи, вступали въ полемику съ христіанами. Далѣе, не сошли со сцены еще внутренніе враги церкви-еретики гностики. Наконецъ, не успѣла церковь достигнуть желаннаго мира, какъ въ лонѣ ея появляется и распространяется арианство. Расходясь между собою въ частностяхъ, всѣ фракціи арианъ единомышленно и безъ разногласія стремятся обосновать свою доктрину на свящ. Писаніи. Присоедините къ этому развившееся и уже успѣвшее окрѣпнуть монашество, которое рекомендовало въ качествѣ подвига чтеніе Писанія и не только чтеніе, но и изученіе его.—Имѣя въ виду приготовить борцовъ за христіанскую истину не столько противъ враговъ вѣншихъ, сколько противъ внутреннихъ, школа должна была

облечь своихъ питомцевъ во всеоружіе знанія свящ. Писанія. Враги церкви хотять обосноваться исключительно на почвѣ свящ. Писанія. Понятно, что борьба съ ними могла быть успешною только подъ условіемъ веденія ея на этой же самой почвѣ. Да наконецъ этого самаго требуетъ отъ школы и христіанская православная община, поставившая изученіе священнаго Писанія высшею цѣлью христіанскаго образованія. Какъ въ Александріи центральнымъ объектомъ школьнаго преподаванія явилась христіанская философія, такъ къ Антиохіи по преимуществу рекомендуется научное знакомство съ книгами свящ. Писанія. Въ Александрійской школѣ послѣднее трактуется, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для построенія системы христіанской философіи, въ Антиохійской оно не средство для другихъ цѣлей, а само для себя цѣль, цѣль высшая, являющаяся завершеніемъ всего научнаго образованія. Можно даже сказать, что здѣсь не пользуется особеннымъ уваженіемъ научная система догматическаго богословія. Она скорѣе трактуется, какъ часть, отдѣль тѣхъ руководствъ, которыя предлагались въ школахъ. Если Климентъ Александрійскій упоминаетъ только мимоходомъ о руководящихъ правилахъ экзегесиса, и Оригенъ отводитъ имъ сравнительно незначительную часть своей системы, то въ школѣ Антиохійской рекомендуется иная постановка. На первый планъ, какъ самый главнѣйшій предметъ преподаванія, выдвигается экзегесисъ съ его правилами, разработанными полно и многосторонне, и ниже ставится система догматовъ. Замѣчательно, отъ знаменитыхъ представителей Антиохійской школы, получившихъ образованіе подъ руководствомъ такихъ видныхъ учителей, какъ Лукіанъ, Діодоръ Тарсійскій и др. не сравненно большую часть ихъ научныхъ трудовъ мы имѣемъ въ видѣ комментаріевъ. Это ясный знакъ, что школа сообщала своимъ воспитанникамъ особенную любовь къ подобнаго рода научной работѣ. Это не значитъ, конечно, того, что въ школѣ не сообщалась навыка къ систематическому изложенію

вѣроученія. Представители Антиохійской школы заявили себя и на этомъ поприщѣ. Но ихъ труды въ области догматики имѣютъ характеръ научныхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, вопросамъ, составлявшимъ громадный интересъ ихъ времени. Только блаж. Теодоритъ оставилъ по себѣ цѣльную, хотя и краткую систему догматическою богословія („Краткое изложеніе Божественныхъ догматовъ“, въ русск. пер. Спб. 1844 г.). Но не для школы предназначалъ онъ свою систему и не школа навела его на мысль написать краткое изложеніе догматовъ. Не найдемъ мы и яснаго указанія на то, что система Теодорита привилась къ школѣ, стала учебною книгою въ ней.—Итакъ обстоятельства времени предъявили запросъ объ измѣненіи идеаловъ Александрійской школы на Антиохійской почвѣ. Теперь является запросъ на ученыхъ экзегетовъ. Возможно совершенное знаніе свящ. Писанія дѣлается послѣднею цѣлью преподаванія Антиохійской школы. Идеаль совершенно образованнаго человѣка усматривается въ образѣ богослова-экзегета.

Перемѣны въ опредѣленіи идеала, цѣлей и задачъ образованія должны были наложить свой отпечатокъ и на средства, ведущія къ желанной реализаціи идеала. Тѣ средства, которыя въ свое время рекомендовались въ Александрію, теперь оказались не примѣвими сполна. Въ христіанскую богословскую Антиохійскую школу идутъ уже не язычники, ищущіе просвѣщенія вѣрою, не философы, желавшіе послушать въ видахъ полемики доктрину христіанства, а христіанскіе юноши и часть взрослые люди, закончившіе образованіе не только свѣтское, но и общее христіанское, съ прямою и ясно сознаною цѣлью высшаго, богословскаго образованія. Это уже были не дѣти во Христѣ, которыхъ мы видѣли во второмъ классѣ Александрійскаго училища. Они не имѣли нужды въ столь подробномъ выясненіи принциповъ христіанской нравственности, въ знакомствѣ со многими часто мелочными правилами поведенія, которыя рекомендовались первымъ. Для воспита-

ныхъ въ христіанской семьѣ, всосавшихъ съ молокомъ матери элементарныя правила христіанской жизни, конечно, «Педагогъ» Климента во всѣхъ его подробностяхъ могъ казаться несовременнымъ, излишнимъ. Воспитанники Антиохійской школы походили на тѣхъ „совершенныхъ, исотериковъ“ Александрійской школы, предъ которыми Климентъ развивалъ мысли своихъ „Стромать“, а Оригенъ читалъ по конспекту—«о началахъ».

Если школа поставила вѣнцомъ научнаго образованія, сообщаемаго ею, возможно наилучшее знаніе свящ. Писанія, экзегесисъ, то что она рекомендовала въ качествѣ пропедевтическаго курса? Какія науки введены были въ программу школьнаго преподаванія въ такъ называемомъ приготовительномъ курсѣ? Отвѣтъ на эти вопросы кратко можно дать въ слѣдующихъ словахъ: „Экзегету нужно знать все, что имѣетъ отношеніе и содѣйствуетъ такъ или иначе усвоенію главнаго предмета“. Однако область знаній слишкомъ обширна. Понятно, что изученіе „всего“ невозможно. Отсюда школа беретъ на себя задачу сообщить болѣе важное, необходимое. Что же изъ области знанія сочтено теперь за таковое? Съ чѣмъ воспитанникъ долженъ быть знакомъ прежде, чѣмъ онъ приступить къ научному изученію Писанія?—Время сохранило для насъ драгоценное указаніе на вѣшнюю и отчасти внутреннюю организацію Низибійской школы, благоустроенной по образцу Антиохійской. Въ такомъ видѣ является предъ нами она: въ школѣ отводится періодъ времени въ три года на общеобразовательный неспеціальныи курсъ. Въ теченіе этого времени прочитываются всѣ книги свящ. Писанія. Въ первый годъ послѣ изученія псалтири предполагалось пройти общее введеніе къ свящ. книгамъ и познакомиться съ пятокнижіемъ Моисея. Во второй читали и переписывали пророковъ и др. книги Ветхаго Завета. Предметомъ занятій учениковъ третьяго класса былъ Новый Заветъ. По окончаніи этого общеобразовательнаго курса уже приступали къ спеціальному.¹⁾

¹⁾ Относительно общаго введенія въ свящ. книги мы имѣемъ прекрасный учебникъ въ сочиненіи перса Павла, учителя Низибійской школы. Подробный разборъ его см. въ нашей диссертации: Восточныя и западныя школы во времена Карла Великаго гл. 7, ст. 395 стр.

Низибійская школа была дочерью Антиохійской. Если такъ, то указанная постановка школьнаго преподаванія въ ней составляетъ собою только воспроизведеніе организаціи послѣдней. Какъ въ Антиохіи, такъ и въ Низибіи не было нужды въ элементарномъ курсѣ энциклическихъ наукъ. Мы уже указали на то, что воспитанниками ихъ были люди, закончившіе свѣтское образованіе внѣ стѣнъ богословской школы. Съ четвертаго вѣка мало по малу вошло въ обычай элементарное христіанское образованіе получать въ кругу семьи, или въ монастырѣ, или, наконецъ, въ низшей христіанской школѣ, а дальнѣйшее литературное у языческихъ риторовъ и философовъ. Василій Великій, Григорій Богословъ, Діодоръ Тарсійскій слушаютъ полный курсъ свѣтскихъ наукъ въ Аѳивахъ. Іоаннъ Златоустъ, пресвитеръ Евагрій, Θεодоръ Мопсуетскій и Максимъ Селевкійскій посѣщаютъ школы Ливанія и философа Андрагаѳія. Закончивъ свѣтское образованіе, всѣ названные мужи приступаютъ къ богословію. Златоустъ съ названными его товарищами и другими ревнителями добродѣтельнаго житія группируются около извѣстнаго пресвитера Діодора, предстоятеля Антиохійской школы (Сократ. Церк. Ист. VI, 3).

Какъ былъ организованъ высшій специальный курсъ, относительно этого мы должны замѣтить, что вступаемъ въ область предположеній, заключеній по аналогіи. Аріанскій историкъ Филосторгій о еретикѣ Аэціѣ замѣчаетъ, что онъ слушалъ въ Антиохійской школѣ лекціи профессоровъ: Аѳанасія, еп. Аназарвскаго, Антонія Тарсійскаго, читавшихъ лекціи по новому Завѣту и Леонтія, еп. Антиохійскаго, излагавшаго Ветхій Завѣтъ. Это явный знакъ, что школа имѣла специализацію чтеній, что въ ней было не по одному профессору. Но каково было чтеніе профессоровъ школы, историкъ объ этомъ не сообщаетъ. Да и мы не находимъ ни одного школьнаго руководства. Впрочемъ трудно и предположить существованіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметомъ занятія студентовъ специалистовъ было изученіе книгъ свящ. Писанія, послѣдовательное толко-

ваніе ихъ. Написать учебникъ значило составить комментарий на все свящ. Писаніе. Обширный по необходимости, онъ едва ли могъ бы удовлетворить требованіямъ школы, тѣмъ болѣе, что въ существованіи подобнаго рода пособій недостатковъ не оказывалось. Мы уже указывали на то, что представители Антиохійской школы составили себѣ особенную почетную извѣстность своими комментаріями. Отсюда, чтеніе послѣднихъ могло замѣнять всякія спеціальныя руководства. Неудивительно поэтому, если въ школѣ на ряду съ изученіемъ книгъ свящ. Писанія отводилось широкое мѣсто знакомству съ отеческою литературою. Сюда присоединилось требованіе относительно знакомства съ свѣтскими науками, каковое, по обстоятельствамъ времени и установившимся обычаямъ, получается теперь у риторовъ и философовъ.

О постановкѣ экзегесиса, какъ предмета школьнаго преподаванія, можно заключать отъ общихъ принциповъ экзегесиса Антиохійской школы. Антиохійцы всюду являются предъ нами поборниками буквального пониманія свящ. книгъ. Съ ихъ точки зрѣнія объяснять историческія повѣствованія Писанія аллегоріей значить низводить послѣднее на степень басней. Не отвергаютъ и не могли отвергнуть антиохійцы совсѣмъ примѣнимости таинственного смысла при объясненіи свящ. книгъ, но значительно сѣзвили его предѣлы. Если Оригенъ заявлялъ, что все священное Писаніе имѣетъ таинственный смыслъ, но не все буквальное, то антиохійцы могли формулировать диаметрально противоположный принципъ: все священное Писаніе имѣетъ буквальный смыслъ, но не все таинственный. Въ основѣ cadaго мѣста Писанія лежитъ буквальный смыслъ. Не составляютъ на этотъ разъ исключенія типы и пророчества. Типическій или таинственный смыслъ покоится на грамматически историческомъ. Онъ есть второй смыслъ, выводимый изъ послѣдовательности мыслей и событій, а не отдѣльныхъ словъ. Отсюда прекрасныя правила антиохійцевъ для объясненія типовъ: 1) Все, что по правиламъ историко-грамматиче

скаго метода относится ко Христу и тайнѣ искупленія и иначе объяснимо быть не можетъ, то очевидно только сюда и относится. 2) Мѣста, удобно примѣнимыя по правиламъ этого метода къ лицамъ и событіямъ В. Завета, очевидно не мессіанскія, а слѣд. и не могутъ быть относимы ко Христу, хотя бы видимое сходство уполномочивало на это. Въ глазахъ антиохійцевъ отступленія равно не безопасны, потому что неумѣстная аллегорія врелить истинѣ не менѣе, чѣмъ грубый рационализмъ. Отсюда, оставаясь на почвѣ золотой середины между тою и другою крайностями, экзегетъ, съ точки зрѣнія антиохійцевъ, долженъ изслѣдовать буквальный смыслъ Писанія, такъ какъ онъ, имѣя самую большую силу доказательности, полезенъ не только для вѣрующихъ, но также пригоденъ для борьбы съ невѣрующими. Аллегорическое толкованіе имѣетъ свой смыслъ только тогда, когда оно покоится на разумномъ основаніи и очевидно безъ всякихъ натяжекъ. Если въ глазахъ Оригена это послѣднее толкованіе имѣло несравненно большую силу доказательства религіозной истины, то для антиохійцевъ аллегорія почти совсѣмъ не имѣетъ этой силы. Она ведетъ только къ предположеніямъ, догадкамъ и вѣроятнымъ заключеніямъ и имѣетъ болѣе субъективное достоинство, чѣмъ объективное. Обращенная на враговъ вѣры, аллегорія можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Если она и допускается при объясненіи, то болѣе для назиданія вѣрующихъ, а отнюдь не для доказательства религіозныхъ истинъ (Kihn. Die Bedeutunk d. Ant. Schule 124—134 S.).

Изъ этой короткой характеристики антиохійскаго направленія въ объясненіи свящ. Писанія мы можемъ составить себѣ понятіе о постановкѣ экзегесиса въ школѣ. Учители и ученики озабочены были болѣе всего выясненіемъ прямого, буквального смысла каждаго мѣста Писанія. Все, что сколько нибудь помогало достиженію цѣли, вводилось въ кругъ пособій. Сюда относились свидѣтельства отцовъ и учителей церкви,

свѣденія по различнымъ областямъ небогословскихъ наукъ, параллельныя мѣста, грамматическія и логическія изысканія относительно текста и т. под.

Итакъ, поставивши идеаломъ исключительно богословско-экзегетическое образованіе, школа для реализаціи своего идеала потребовала на служеніи себѣ изъ области человѣческихъ знаній по преимуществу такъ называемыя гуманныя науки т. е. кругъ наукъ общеобразовательныхъ, энциклическихъ, получившихъ свое начало въ классической Греціи. Правда, мы не видимъ въ ней постановки этихъ предметовъ въ качествѣ объекта школьнаго преподаванія. Но само собою разумѣется, что только обстоятельства времени дозволили воспользоваться услугами школъ языческихъ, еще незакончившихъ своего существованія съ объявленіемъ христіанства господствующею вѣрою. Не было нужды открывать чтеніе свѣтскаго курса наукъ, когда студенты безъ опасностей для своихъ религиозныхъ обѣщаній свободно посѣщали названныя учебныя заведенія язычества. Христіанская богословская школа IV в. въ этомъ случаѣ воспользовалась трудами другихъ. Важно то, что въ Антиохіи, какъ и въ Александріи, предъявлено требованіе на широкое знакомство съ свѣтскими науками. И здѣсь онѣ опредѣляются на служеніе богословію. Но изъ всѣхъ свѣтскихъ наукъ въ Антиохійской, какъ и въ Александрійской школѣ, заняла первое, высшее мѣсто философія. Въ Антиохіи преобладающее значеніе получилъ Аристотель. Это и неудивительно. Система Стагирита уже давно начала проникать въ христіанскія школы. Еще Климентъ Александрійскій указалъ дорогу ей. Но въ Александріи почва для философіи Аристотеля оказалась неудобренною. За то такъ глубоко эта философія пустила корни въ Антиохіи. Арианство здѣсь поддерживалось благодаря философскимъ идеямъ Аристотеля (Сокр. Ц. II. 2, 35). Диодоръ Тарсійскій и Феодоръ Моисуетскій были рѣшительными поклонниками Стагирита. — На ряду съ гуманными науками требуется начитанность въ свято-отеческихъ произве-

деняхъ, что восполняется и въ самой школѣ. Это и не могло быть иначе, въ виду того уваженія къ авторитетамъ древней христіанской письменности, которое не составляло исключительной особенности антиохійцевъ. И представители Александрійской школы считали церковное преданіе нормою вѣры. Во времени блестящаго развитія Антиохійской школы число авторитетовъ увеличилось, область преданія расширилась. Христіанская церковь видѣла уже вселенскіе соборы, на которыхъ формулированы точныя *regulae fidei*, символы. Отступать отъ нихъ значило отдѣлиться отъ церкви. Неудивительно по этому, что даже такія свободомыслящіе люди, какъ Теодоръ Мопсуетскій, не могутъ отдѣлиться отъ уваженія къ авторитетамъ и въ нихъ ищутъ опоры для своей доктрины. — Наконецъ предъявляется требованіе на широкое знакомство съ общимъ содержаніемъ свящ. книгъ. Вотъ прецеденты высшей науки, главнѣйшаго объекта школьнаго преподаванія. Ясно, что при различіи идеаловъ Александрійской и Антиохійской школъ средства къ реализаціи ихъ указаны въ весьма многихъ отношеніяхъ сходныя.

Мы познакомились съ организаціей двухъ знаменитыхъ и славныхъ въ исторіи школъ, которыя для послѣдующаго времени являются образцовыми. Съ V вѣка христіанства, когда последнее уже давно было объявлено господствующею вѣрою государства, нужно было бы ожидать новыхъ, болѣе благоприятныхъ условий для процванія школъ. Въ дѣйствительности же было далеко не такъ. Христіанское правительство не беретъ школы подъ свое непосредственное покровительство. Миръ и тишина въ положеніи церкви, наступившіе съ объявленіемъ христіанства господствующею вѣрою государства, нарушаются внутренними волненіями по поводу ересей. И гражданское правительство и верховныя власти, сосредоточивши вниманіе на послѣднихъ, игнорируютъ школы. Мало этого, — школы являются для многихъ подозрительными, опасными для чистоты и неповрежденности православія. Алексан-

дрійская школа подвергается нареканію. Забыты заслуги для церкви и для христіанскаго просвѣщенія ея славныхъ представителей. Одно выставляютъ теперь на видъ, что въ Александріи трудились и преподавали Оригенъ, сочтенный теперь виновникомъ ересей. Не принято было въ соображеніе, что на сочиненіяхъ этого великаго учителя церкви образовались такіе авторитеты богословской мысли и знаменитые отцы церкви, какъ Григорій Неокессарійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и др. Оригенъ осужденъ, и осужденіе его было равносильно закрытію Александрійской школы. И изъ Антиохійской школы вышелъ Феодоръ Мопсуетскій и самъ Несторій. Этого достаточно было, чтобы подорвать всякое довѣріе къ названной школѣ. Теперь раздаются голоса, что свѣтская наука, такъ высоко поставленная въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ, излишняя, даже вредна для христіанъ. По свидѣтельству историка Сократа, когда Юліанъ, по своимъ соображеніямъ, запретилъ христіанамъ изучать греческія науки, многіе были довольны этимъ распоряженіемъ императора, думая въ простотѣ сердца, что „греческія науки, въ которыхъ преподается многобожіе, служатъ ко вреду“ (Ц. И. кн. 3, гл. 16). Однако всего этого еще недостаточно для объясненія причинъ упадка школы съ VI вѣка христіанства. И прежде раздавались голоса противъ языческой науки, и прежде церковная жизнь христіанскаго общества была далеко не въ лучшемъ положеніи, а между тѣмъ являлись такіе труженики на поприщѣ школьнаго преподаванія, какъ Климентъ Александрійскій, Оригенъ, пресвитеръ Лукіанъ, Діодоръ Тарсійскій и др. и такіе славные учебные институты, какъ Александрійская и Антиохійская школы. Почему же теперь ослабѣла энергическая дѣятельность ученыхъ силъ? Или уже чувствовалось оскуднѣніе ихъ?—Сложилось много, даже слишкомъ много, историческихъ обстоятельствъ, которыя подавляющимъ образомъ дѣйствовали на состояніе наукъ и образованія. Императоръ Юстиніанъ I, какъ завершитель поли-

тики своихъ предшественниковъ по вопросу объ отношеніи къ язычеству, является предъ нами въ роли гонителя послѣдняго. Къ сожалѣнію, преслѣдуется не языческій только культъ, но и самая языческая греческая наука съ ея представителями. Культъ многобожія, пріютившійся подъ сѣнью высшеучебныхъ свѣтскихъ заведеній, далъ поводъ Юстиніану закрыть эти послѣднія. Этого мало, — по чисто финансовымъ соображеніямъ онъ конфисковалъ содержаніе школьныхъ преподавателей. „Не только этотъ (храмъ Софіи), но и другіе очень многіе храмы“, пишетъ о Юстиніанѣ позднѣйшій историкъ, Іоаннъ Зонара, на основаніи и согласно съ свидѣтельствомъ Прокоція, «выстроилъ онъ; при постройкѣ же ихъ, когда онъ нуждался въ деньгахъ, по совѣту префекта, отнялъ жалованье у учителей свободныхъ наукъ, нѣкогда назначенное имъ по всѣмъ городамъ и вакантныя мѣста ихъ наводнилъ невѣжественными людьми». Ясно, что невѣжественные преподаватели школъ не могли высоко держать знамя науки. Присоедините къ этому еще и то, что съ VI в. явилось много историческихъ фактовъ, которые влекли за собою упадокъ образованія, какъ свое необходимое слѣдствіе. Внѣшніе враги со всѣхъ сторонъ тѣснили предѣлы имперіи. Опасности, грозившія расхищеніемъ имущества, рабствомъ и лишеніемъ даже жизни, скорѣе всего заставляли гражданъ имперіи подумать о средствахъ къ удовлетворенію болѣе настоятельныхъ нуждъ, чѣмъ образованіе и науки. Внутреннія волненія, борьба религіозныхъ и политическихъ партій, деспотизмъ императоровъ, подавлявшій всякую свободу мышленія, частыми фисками разстроивавшій благосостояніе гражданъ — все это не менѣе внѣшнихъ обстоятельствъ способствовало упадку образованія. Древне-римская пословица: „среди войнъ замолкаютъ музы“ нагляднѣе всего оправдалась въ эту эпоху. Вотъ гдѣ кроются причины того прискорбнаго факта, что неожиданно оскудѣли энергическіе труженики на поприщѣ школьнаго преподаванія, что не появлялось по крайней мѣрѣ на долго высшеучебныхъ заведеній съ испол-

въ выработанными идеалами, планами и методами преподаванія. Существовавшія школы находятъ себѣ приютъ въ обителяхъ, въ тиши монастырскихъ келлій, вдали отъ міра съ его соблазнами. Завѣдуютъ школами по большей части иноки. Конечно, нельзя не отдать дани благодарности нѣкоторымъ любителямъ образованія изъ монашествующей братіи, которые своей досугъ и научныя силы посвящали поддержанію школъ. Но въ большинствѣ случаевъ монахи не сознавали нужды въ благоустройствѣ правильно организованныхъ высшихъ или даже среднихъ учебныхъ заведеній. Потребность въ грамотности, въ умѣнн читать, что требуется отъ монаха, какъ подвигъ благочестія, рекомендованный въ большинствѣ случаевъ для того, чтобы наполнить праздно время инока, могла удовлетворяться и элементарными школами. Отвыкнувъ читать что-либо помимо священныхъ, душеспасительныхъ и назидательныхъ книгъ, монахи враждебно отнеслись къ свѣтскимъ наукамъ. Вообразивъ, въ простотѣ сердца, что послѣднія суть продуктъ дѣятельности темныхъ силъ, они видятъ самое надежное средство для избѣжанія искушеній, соблазновъ и разныхъ случаевъ уклоненій отъ чистоты вѣры въ незнаніи, въ незнакомствѣ съ свѣтскими, мірскими науками. Все образованіе въ ихъ рукахъ получаетъ колоритъ церковности. Только традиціи старины, благоговѣнное поклоненіе предъ авторитетами древняго и золотого вѣка христіанской письменности спасли гуманныя науки отъ совершеннаго изгнанія ихъ изъ школьной программы. Но кажется, уже эпохою давно минувшихъ дней стало то счастливое для процвѣтанія христіанской науки время, когда образованіе цѣнилось само по себѣ, когда сознавали нужду въ томъ, чтобы быть образованными. Теперь хотятъ заниматься наукою первѣе всего для того, чтобы доставить церкви подготовленныхъ служителей. Монастыри съ ихъ обитателями прежде всего обратили на себя въ этомъ случаѣ всеобщее вниманіе. Изъ нихъ начинаютъ брать кандидатовъ на епископскія кафедры. Ясно, какая нужда была за

· водить школы въ нѣкоторыхъ монастырскихъ обителяхъ. Съ другой стороны сами епископы были уже озабочены приготовленіемъ лицъ достойныхъ для занятія церковныхъ должностей. Отсюда при епископскихъ кафедрахъ по мѣстамъ открываются школы. Но тѣ и другія преслѣдуютъ совершенно одинаковыя цѣли. Онѣ имѣютъ своею задачею дать церкви достойныхъ служителей алтаря. Идеаль образованія въ монастырскихъ и епископскихъ школахъ слагается подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ и тѣхъ же запросовъ отъ нихъ. Понятно, что скромныя требованія могутъ удовлетворяться и скромными средствами. Служитель церкви долженъ быть прежде всего грамотенъ, свѣдущъ въ свящ. книгахъ и назидательныхъ произведеніяхъ христіанской письменности. Это самое главное изъ круга предметовъ вѣдѣнія пастыря. Вся остальная область человѣческихъ знаній не составляетъ существенно необходимаго элемента въ образованіи его. Отсюда, если она и оставлена въ школахъ, то, составляя не совсѣмъ органически связанное звѣно въ цѣпи предметовъ школьной программы, не можетъ получить правъ на желательную широкую постановку. Свѣтскую науку сокращаютъ въ содержаніи. Программа ея урѣзывается и въ числѣ предметовъ. Теперь хотѣть знать не все и несполна. Въ какой мѣрѣ—это пока другой вопросъ. Для насъ важно то, что хотѣть знать. Въ силу одного желанія, унаслѣдованнаго скорѣе отъ знаменитыхъ представителей школьнаго дѣла на христіанской почвѣ, свѣтская наука спасена для богословской школы. Но были и другія обстоятельства, которыя заставили удержатъ въ монастырскихъ и епископскихъ школахъ свѣтскій курсъ.

Въ то время, какъ церковь обезпечила себѣ подготовку достойныхъ кандидатовъ на іерархическія должности, государство въ лицѣ христіанскаго правительства ромеевъ мало озабочено было процвѣтаніемъ школъ съ ихъ науками. До времени Юстиніана императоры еще, по примѣру своихъ предшественниковъ, не оставляютъ государственныхъ школъ на про-

изволь судьбы. Такъ о Ѳеодосіѣ Младшемъ (408—450) извѣстно, что онъ, хотя запретилъ въ видахъ централизаціи власти частное преподаваніе, однако за государственными профессорами утвердилъ прежнія права и привилегіи. Въ 425 г. онъ издалъ декретъ, точно опредѣляющій число профессоровъ Константинопольскаго университета, оплачиваемыхъ отъ государственной казны.¹⁾ Но со времени Юстиніана, конфисковавшаго государственное обезпеченіе учителей школъ и наводнившаго послѣднія дешевыми, но невѣжественными преподавателями, учебныя заведенія государства пришли въ окончательный упадокъ. Съ этихъ поръ, при частой смѣнѣ высшихъ представителей государства, бывшихъ болѣе частью игрушкою въ рукахъ той или другой партіи цирка, озабоченныхъ болѣе всего обезсиленіемъ прогивной партіи, или въ лицѣ лучшихъ императоровъ умиротвореніемъ ихъ, правительство не имѣло ни силъ, ни средствъ, ни времени подумать объ образованіи народа. Школы, преподаватели, ученики—все это стоитъ внѣ сферы какой либо заботы императоровъ. Но развѣ государству не нужны были образованные люди? Почему оно игнорировало заботы объ образованіи подданныхъ? Гдѣ же оно могло пріобрѣтать способныхъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ?—Правительство слагаетъ съ себя заботы объ образованіи—и это не есть явленіе новое, безпримѣрное въ исторіи Греціи. Древняя, знаменитая классическая Эллада, гдѣ впервые на греческой почвѣ зародилась и развилась наука, не имѣла у себя правительственныхъ школъ съ официально поставленными преподавателями. Обученіе и школьное преподаваніе было дѣломъ частныхъ лицъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе не легкимъ преподавательскимъ трудомъ, или дѣломъ любителей науки. Въ такомъ положеніи были школы

¹⁾ По этому декрету изъ числа 31 профессора одинъ былъ философъ; латинскій языкъ, литературу и краснорѣчіе преподавали 3 ритора и 10 грамматиковъ; для греческаго языка и греческаго краснорѣчія поставлено было 5 риторовъ и 10 грамматиковъ и, наконецъ, «право читали два профессора (Cod. Theod. I, XIV, tit. 9, 3).

до эпохи извѣстныхъ Антониновъ. Последніе измѣняютъ нѣсколько свои отношенія къ учебнымъ заведеніямъ. Они принимаютъ участіе въ судьбѣ труженниковъ на поприщѣ школьнаго преподаванія и обезпечиваютъ часть ихъ. Такъ называемымъ правительственнымъ профессорамъ предоставляется иммунитетъ и определенное жалованье, назначаемое правительствомъ и уплачиваемое изъ общественныхъ городскихъ средствъ, или даже иногда изъ государственной казны. Ясно, что и теперь, когда правительство беретъ школы съ ихъ преподавателями подъ свое покровительство, благоустройство учебныхъ заведеній болѣе зависитъ отъ благосостоянія городскихъ общинъ. Коммуны изъ своихъ средствъ оплачиваютъ профессоровъ. Предположите объединеніе ихъ, и профессора должны были оставаться безъ вознагражденія. Государственная же казна чаще оказывалась пустою, благодаря разнымъ социальнымъ и политическимъ невздамъ. Такимъ образомъ и въ лучшія сравнительно времена обученіе на всѣхъ его ступеняхъ было болѣе частнымъ дѣломъ общинъ, чѣмъ заботою правительства. Юстиніанъ, подорвавшій благосостояніе школьныхъ преподавателей, имѣлъ для себя примѣръ въ предшествовавшей исторіи Греціи. И онъ быть можетъ мечталъ, что издавна бывшее частнымъ дѣломъ гражданъ, образованіе вмѣстѣ съ школами снова должно сдѣлаться предметомъ попеченія любителей науки, или городскихъ общинъ. Но къ этому нужно прибавить еще и то, что Юстиніанъ могъ разсчитывать на услуги служителей церкви. Въ силу своеобразно сложившихся въ его головѣ представлений объ отношеніи государства къ церкви, Юстиніанъ проявлялъ широкую, хотя и не всегда благотворную для нея, попечительность. Онъ предоставилъ особенно широкія права и преимущества духовенству, строилъ во многихъ городахъ церкви, преслѣдовалъ еретиковъ и контролировалъ даже самое вѣроученіе. Не могли ли императоръ разсчитывать, что духовенство, за такія благодѣянія, не останется въ долгу у государства? Возвышенное въ своемъ положеніи, надѣленное

разными преимуществами и обеспеченное материально оно должно было отплатить благодарностию. Правительство нуждалось въ средствахъ на разныя, подъ часъ фантастическия, предиріятія. Оно отыскало источникъ на покрытие расходовъ въ жалованьи лицъ, трудившихся, на поприщѣ школьнаго преподаванія. Невѣроятно, чтобы Юстиніанъ сознательно стремился въ корнѣ подорвать образованіе. Это не могло входить въ его прямыя разсчеты. Для государства нужны были образованные люди, и названный императоръ, самъ не лишенный образованія, понималъ это. Но если онъ оставилъ школы безъ преподавателей, то, значить, надѣялся замѣнить ихъ безплатными учителями. Кто же могъ теперь взяться за это дѣло безъ вознагражденія за трудъ? То самое духовенство, которому Юстиніанъ такъ много покровительствовалъ. Оно должно было стать въ положеніе учителей подданныхъ имперіи. Сравнительно болѣе образованное, имѣвшее въ монастыряхъ и при епископскихъ кафедрахъ школы, духовенство сразу могло явиться подготовленнымъ къ своей роли. Какой могъ выйти изъ этого результатъ для школъ и науки—это другой вопросъ. Правительство еще не предвидѣло, что духовенство съ монашествомъ во главѣ оказалось въ обще образовательной и высшей государственной школѣ не на своемъ мѣстѣ. Привыкшіе не отдѣлять церкви отъ другихъ государственныхъ учреждений и мыслить себя въ роли попечительныхъ покровителей, а часто и главныхъ заправителей въ церковныхъ дѣлахъ, императоры со временъ Юстиніана не могли отдѣлять церковныхъ интересовъ отъ государственныхъ. Они нарочито стремились сблизить, объединить эти послѣдніе. Близость же церковныхъ и государственныхъ интересовъ по необходимости должна была сдѣлать болѣе или менѣе солидарными и воззрѣнія на принципы образованія. То что прежде считалось нужнымъ знать служителю алтаря, теперь могло рекомендоваться и государственнымъ чиновникамъ. Этимъ объясняется то любопытное въ исторіи византійской церкви явленіе, что государствен-

ные чиновники иногда возводились непосредственно съ своего поста на епископскія и патриаршія кафедры и, что всего замѣчательнѣе, ереду же оказывались подготовленными къ своему новому служенію.

Итакъ со временъ Юстиніана бѣлое и черное духовенство является въ роли преподавателей школъ всего государства, высшихъ и низшихъ. Это, конечно, не значитъ того, что государство стѣсняло починокъ и трудъ частныхъ любителей преподавательскаго дѣла. Но къ сожалѣнію, мы таковыхъ теперь не можемъ встрѣтить въ большемъ числѣ. Понизившійся значительно уровень образованія уменьшилъ процентъ научныхъ силъ. Да и городскія общины, матеріально разстроенныя, обѣднѣвшія не имѣли уже возможности тратить свои скудные средства на плату частнымъ учителямъ и съ большимъ предпочтеніемъ пользовались услугами даровыхъ преподавателей. Такимъ образомъ по городамъ и селамъ почти единственными пріютами образованія сдѣлались школы духовенства. Въ нихъ одновременно получали образованіе служители алтаря и государства.

Спрашивается, какимъ образомъ школа выработаетъ для себя идеалъ, когда она одновременно должна была удовлетворять весьма развохарактернымъ запросомъ? Теперь въ ней получаетъ образованіе и будущій служитель церкви и государственный чиновникъ. Само собою разумѣется, что объекты вѣдѣнія того и другаго, если не діаметрально противоположны, то и не близко сходны между собою. Предстояла не легкая задача примиренія интересовъ образованія. Къ сожалѣнію, духовенство не сумѣло выполнить этой задачи. Оно не поступилось напередъ сложившимися воззрѣніями на дѣли образованія и оставило неприкосновенными въ общемъ свои школьные идеалы. Теперь безъ различія все обяывались знать то, въ чемъ долженъ быть свѣдущъ пастырь церкви. Отсюда для всехъ школъ въ качествѣ высшаго объекта преподаванія рекомендуется богословіе. Идеалъ законченно образованнаго

человѣка усматривается въ лицѣ богослова. Школа приняла на себя задачу подготовить людей свѣдущихъ въ церковно-богословскихъ наукахъ. Это рекомендуется обязательно, для всѣхъ и служителей алтаря, и государственныхъ чиновниковъ и частныхъ гражданъ, заинтересованныхъ наукою.

Но, усматривая идеаль школьнаго образованія въ лицѣ богослова, какія средства могла рекомендовать школа для реализаціи своего идеала? Не смотря на неблагоприятно рѣшенный вопросъ объ отношеніи свѣтскихъ языческихъ наукъ къ христіанскому богословію, стремленіе реализовать начертанный идеаль заставило ввести въ программу школьныхъ предметовъ курсъ энциклическихъ наукъ. Традиціи древнихъ христіанскихъ школъ оказали все свое вліяніе на учебныя заведенія VI—VII вв. При всемъ неуваженіи къ знаменитымъ организаторамъ первоначальныхъ вышеучебныхъ христіанскихъ институтовъ, объявленныхъ теперь то ересіархами, то предтечами еретиковъ, такъ сильно волновавшихъ церковь, вліяніе ихъ идей отозвалось и на дидактологахъ этой эпохи. Но враждебный взглядъ на языческую науку заставилъ произвести и существенныя перемѣны въ программѣ школьныхъ наукъ, не столько впрочемъ со стороны внѣшней, сколько внутренней. Сумма языческихъ знаній *en masse* оказалась теперь непосильною, неприложимою и ненужною для христіанскаго богослова. Этого мало. Языческая наука казалась теперь вредною. Изучать ее по широкой программѣ значило подвергать воспитанниковъ опасности познакомиться съ идеями, далеко не гармонирующими съ христіански настроеннымъ сердцемъ. Отсюда является стремленіе къ сокращенію, перемѣнамъ во внутреннемъ содержаніи свѣтскихъ наукъ. — За такое отношеніе къ дѣлу высказались авторитетнѣйшіе люди, великіе отцы церкви, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ и др. Еще въ золотой вѣкъ христіанской письменности довольно ясно было опредѣлено отношеніе христіанъ, ищущихъ

щихъ образованія, къ языческому научному наслѣдію. Вотъ съ какимъ критеріемъ совѣтуетъ приступить къ этому послѣднему Василій Великій: „Не удивляйтесь, говоритъ св. отецъ въ своей бесѣдѣ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями, не удивляйтесь, если вамъ, которые каждый день ходите къ учителямъ и бесѣдуете съ уважаемыми мужами древности посредствомъ оставленныхъ ими сочиненій, скажу, что самъ собою нашель я нѣчто болѣе полезнымъ... Не должно, однажды навсегда передавъ этимъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними, но заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить.“ Цѣль нашей жизни не ограничивается земными благами. Мы готовимся къ другой, будущей, загробной. Въ эту жизнь вводить насъ, конечно, свящ. Писанія, воспитывающія насъ посредствомъ таинственныхъ ученій. Но пока, по возрасту, не можемъ изучать глубину смысла ихъ, мы въ другихъ сочиненіяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ гвѣяхъ и зеркалахъ, подражая упражняющимся въ военномъ искусствѣ.. Мы должны держаться той мысли, что намъ предстоитъ подвигъ, важнѣйшій изъ всѣхъ, подвигъ, для котораго должны все сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ и бесѣдовать и съ поэтами, и съ ораторами, и риториками, и всѣми людьми, отъ кого только можетъ быть какая-либо польза для улучшенія души... Конечно, достоинство дерева—изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носитъ на себѣ и нѣкоторые украшеніе—листы, колеблющіеся на вѣтвяхъ. И въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если она облечена вмѣшнейю мудростію, какъ листьями... По этому говорится, что и тотъ славный Моисей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію сущаго... О Даніилѣ повѣствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость, и тогда

уже коснулся божественныхъ уроковъ.» Установивъ то начало, что свѣтскія науки имѣютъ приложеніе въ христіанствѣ, Василій Великій точнѣе опредѣляетъ выборъ наукъ. Принципомъ для оцѣнки достоинства ихъ является у него содержаніе наукъ. «Всѣ почти сколько нибудь заслуживающіе вниманія по мудрости, каждый по мѣрѣ силъ, въ сочиненіяхъ своихъ болѣе или менѣе распространялись въ похвалу добродѣтели: имъ должно вѣрить и въ самой жизни стараться выразить ихъ ученіе». Отсюда поэты, историки и философы должны обратиться на себя вниманіе христіанскаго юноши, но только подъ условіемъ указаннаго принципа пользованія ими. Ясно, что вся свѣтская наука имѣетъ приложеніе въ христіанской школѣ только съ этой стороны, съ которой она „распространяется въ похвалу добродѣтели“, иначе говоря, если она служитъ назидательнымъ цѣлямъ.¹⁾

Въ томъ же духѣ высказываетъ свой взглядъ на отношеніе свѣтскихъ наукъ къ христіанству и св. Григорій Богословъ. «Полагаю я, говоритъ онъ, что всякій имѣющій умъ признаетъ, что образованіе для насъ есть первое изъ всѣхъ благъ и не только это благороднѣйшее и наше образованіе, которое, презирая всѣ украшенія и блескъ рѣчи, имѣетъ цѣлью одно спасеніе и красоту умосозерцаемыхъ, но и внѣшнее, которымъ многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злонамѣреннымъ, опаснымъ и удаляющимъ отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того, мы, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что полезно для жизни и наслажденія, будемъ избѣгать всего опаснаго и не станемъ

¹⁾ На практикѣ свое отношеніе къ капитальному наслѣдію отъ изысканій преходу по естествознанію въ духѣ вышеуказаннаго принципа Василій Великій показалъ въ своемъ знаменитомъ «Шестодневѣ».

съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говорить божественный Апостолъ, илѣняюще всякъ разумъ во Христа (2 Кор. 10, 5)». Въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отбросили все то, что вѣдетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину погибели. Мы извлекли изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія чрезъ худшее научившись лучшему и слабость ихъ обративъ въ твердость нашего ученія». По этому не должно унижать образованіе, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые; напротивъ, надобно признать глупыми и необразованными тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество (Твор. ч. IV. съ 63 стр.).

Съ такимъ критеріемъ отнеслись святые отцы ко всему научному наслѣдію старины, и въ результатъ оказалось, что, не отрицая пользы и значенія свѣтскаго образованія, они по необходимости должны были сократить его содержаніе. Далекое не вся языческая наука могла служить правоучительнымъ и назидательнымъ цѣлямъ, а между тѣмъ все то, что не доставляло желаннаго содержанія, по взгляду отцовъ, отступало на задній планъ, могло даже быть выброшеннымъ безъ ущерба для христіански образованнаго челоука.

Но если христіанскіе писатели золотого вѣка выработали подобные взгляды на отношенія къ свѣтскимъ наукамъ, то неудивительно, что съ упадкомъ образованія взгляды эти доведены были до крайности. Явились ревнители благочестія, которые совсѣмъ стали отрицать всякое значеніе свѣтской науки въ христіанской школѣ. Впрочемъ таковыя ревнители были крайними и получали иногда справедливыя укоризны отъ поборниковъ образованія. Эти послѣдніе, оставаясь вполнѣ вѣрными авторитету отцовъ, сохранили въ школѣ свѣтскій курсъ. Само собою разумѣется, что этотъ же авторитетъ отцовъ имѣлъ рѣшающее значеніе на содержаніе школьныхъ программъ.

Предпочтительнымъ вниманіемъ пользуются тѣ науки, которыя могли быть съ пользою приложимы къ религіозно-нравственному воспитанію юношества. Все, что содѣйствуетъ этой цѣли, оставляется въ качествѣ пригоднаго матеріала для реализаціи идеала, а остальное выбрасывается. Вотъ какъ по этому случаю разсуждаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, человекъ много трудившійся и для школы: „Всякое писаніе богодухновенно и слѣд. полезно есть. По сему изслѣдовать божественныя писанія есть дѣло самое доброе и душеполезное. Ибо душа, напоемая божественнымъ писаніемъ, какъ древо, посаженное при потокахъ водъ, утучняется, приноситъ зрѣлый плодъ-православную вѣру, и украшается всегда зеленѣющими листьями т. е. богоугодными дѣлами. Святое Писаніе настраиваетъ насъ къ добродѣтельной жизни и чистому созерцанію. Ибо въ Писаніи находимъ увѣщаніе ко всякой добродѣтели и предотвращеніе отъ всякаго порока. По сему, если будемъ ревностны въ ученіи, то приобрѣтемъ многую мудрость. . Будемъ почерпать изъ сего райскаго источника неизсякающія и чистѣйшія воды, текуція въ жизнь вѣчную. Будемъ насыщаться и наслаждаться ими всегда съ новою жаждою, ибо благодать Писанія неистощима. Если и изъ языческихъ писателей можемъ получить какую вибудь пользу, то и сіе не запрещено. Будемъ только искусными мѣнялами, принимая настоящее и чистое золото, а поддѣльное отбрасывая. Возьмемъ себѣ, что сказано ими добраго, а боговъ, достойныхъ посмѣянія и нелѣпныя басни кинемъ псамъ; ибо изъ сихъ же самыхъ писателей намъ можно извлекать сильныя опроверженія противъ нихъ самихъ «(Точное излож. прав. вѣры. Кн. IV, гл. 17.). Ясно, что съ точки зрѣнія Іоанна Дамаскина свящ. Писаніе является само по себѣ совершенно достаточнымъ источникомъ всякаго познанія. Не священныя книги не составляютъ существенно необходимаго условія для познанія истины. Онѣ могутъ, безъ вліянія на сущность дѣла, быть устранены изъ круга наукъ истиннаго христианина,

и если принимаются, то не иначе, какъ подъ условіемъ тщательнаго выбора полезнаго изъ нихъ и пригоднаго и то только для одной цѣли—«сильнаго опроверженія ихъ самихъ» т. е. ихъ авторовъ.

Итакъ свѣтская наука была принижена, подавлена въ школахъ. Она всецѣло обратилась на служеніе богословію. Правда, и въ школахъ первыхъ вѣковъ христіанства всѣ семь свободныхъ наукъ поставлены были, по видимому, въ аналогичное положеніе по отношенію къ высшимъ объектамъ школьнаго преподаванія; но есть громадное различіе въ широтѣ взглядовъ на значеніе энциклическихъ наукъ въ христіанскомъ учебномъ заведеніи. Климентъ и Оригенъ рекомендуютъ, какъ цѣлесообразную мѣру для реализаціи идеала школы, самую широкую постановку философіи со всѣми родственными ей науками; а дидактологи разсматриваемой эпохи желаютъ явиться искусными мѣнялами, принимающими только настоящее и чистое золото, и поддѣльное отбрасывающими. Къ сожалѣнію, теперь уже слишкомъ мало усматривали чистаго золота въ свѣтскихъ наукахъ. Для александрійцевъ и нѣсколько позднѣе антиохійцевъ всякое знаніе являлось полезнымъ; съ точки же зрѣнія ученыхъ людей VI—VII в.в. полезно только то, которое способствуетъ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ образованія. Само собою разумѣется, что такой критерій для оцѣнки знанія долженъ былъ оказать весьма не благоприятное для науки вліяніе. Свѣтское знаніе мало цѣнится, науки совсѣмъ не разрабатываются.

Этого мало, — преданія научной старины приходятъ въ забвеніе.

Съ такими взглядами на идеалы школьнаго образованія и на средства къ реализаціи ихъ вступила Византія въ новый періодъ своего существованія, такъ называемый иконоборческій. Наименованіе періода иконоборческимъ далеко не точно. Гораздо вѣрнѣе будетъ назвать его эпохою неудавшихся реформъ сколько въ гражданской, столько же и въ церковной жизни государства. Первый иконоборческій императоръ за

стать имперію въ разстроенномъ состояніи. Византія давно уже лишилась южныхъ и восточныхъ областей имперіи, павшихъ подъ оружіемъ арабовъ. Внутри государство ослаблялось борьбою партій, частою смѣною императоровъ и разными бѣдствіями. Государственная казна была пуста. Войска дисциплинированнаго не существовало. Народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и религіозныхъ суевѣріяхъ. Внѣшніе враги подступали съ востока и сѣвера къ стѣнамъ столицы. Въ такомъ положеніи находилось государство, когда Левъ Исаврянинъ (716—741 г.) отнялъ престолъ у слабого и случайно сдѣлавшагося императоромъ Θεодосія. Новый императоръ скоро отразилъ арабовъ, осаждавшихъ столицу въ продолженіи цѣлаго года (717 г.), возстановилъ порядокъ и дисциплину въ войскѣ, издалъ нѣсколько новыхъ законовъ и пр. Но занимаясь дѣлами гражданскими, Левъ III не могъ игнорировать и дѣлъ церковныхъ. Въ Византіи жизнь церковная до такой степени переплеталась съ гражданской, церковь такъ много взяла на свою долю матеріальныхъ средствъ имперіи, что ни одинъ изъ государей, преслѣдовавшихъ опредѣленные политическія задачи, не могъ не столкнуться съ интересами церкви. Государю нужны были люди и деньги. Что же было дѣлать, когда слишкомъ много людей шло въ монастыри, а обители и церкви владѣли громадными имуществами, свободными отъ податей и повинностей. Ясно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, государю, задавшемуся мыслию о коренной реформѣ, необходимо приходилось стать въ разрѣзъ съ интересами церкви. Но затронувъ послѣдніе, императоръ нашелъ сильнѣйшую оппозицію въ монашествѣ. Внѣшнимъ знаменемъ борьбы выступаютъ иконы, а внутренняя сторона ея совершенно другая. Теперь сталкиваются два диаметрально противоположныхъ воззрѣнія на принципы государственной, политической и церковной жизни. Какъ видный пунктъ, къ этому привязывается борьба за принципы образованія. Мы видѣли уже, что ко временамъ иконоборцевъ все образованіе носило на себѣ рѣзкій отпечатокъ

церковности. Оно всецѣло находилось въ рукахъ духовенства. Первый иконоборческій императоръ усмотрѣлъ въ этомъ ненормальность. Государство, на взглядъ его, не имѣло особенной нужды въ ученыхъ богословахъ. И вотъ является попытка вырвать изъ рукъ духовенства школы съ ихъ наукою. Начинается борьба продолжительная, запалчивая, доведенная съ той и другой стороны до крайности. Подвергая стѣсненію монаховъ, Левъ прямымъ путемъ шелъ къ закрытію монастырскихъ школъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ исторіи Левъ Исаврянинъ заслужилъ имя вракоубса науки. Нѣтъ словъ, императоръ не былъ образованъ, но съ другой стороны нѣтъ данныхъ утверждать, что онъ былъ врагомъ образованія. Что касается факта, передаваемого историками Кедринымъ и Зонарою, о сожженіи Львомъ вышеназванной Константинопольской школы съ ея бібліотекою и даже преподавателями, то это вымысль воображенія названныхъ историковъ, легенда. Но при всемъ томъ нужно сказать, что въ основѣ разсказа лежитъ не подлежащій никакому сомнѣнію фактъ крайняго упадка школъ и образованія. Историкъ Теофанъ въ своей хронографіи слѣдствіемъ воздвигнутаго императоромъ гоненія на монаховъ выставляетъ прекращеніе существованія учебныхъ заведеній. Это и не могло быть иначе. Преслѣдуемые почти единственные учителя народа не имѣли физической возможности благоустроить своихъ школъ. Къ сожалѣнію, занятый дѣлами правленія, а быть можетъ по неумѣнію надлежащимъ образомъ оцѣнить важность и значеніе научнаго образованія, Левъ Исаврянинъ не далъ себѣ труда подумать объ образованіи народа. Старыя школы рѣдѣли, а новыхъ не открывали.—Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ началѣ періода неудавшихся реформъ.

Сынъ и преемникъ Льва, Константинъ Копронимъ (741—775 г.) продолжалъ дѣло отца, но съ большею настойчивостію и жестокостію. Монахи были предметомъ особенной ненависти императора. Онъ рѣшился было совсѣмъ уничтожить

монастыри вмѣстѣ съ ихъ обитателями. Казни, огонь и мечь были обычными орудіями жестокой расправы съ иночествующей братіей. Правители областей находили нужнымъ подражать императору въ своихъ отношеніяхъ къ монахамъ. Весьма характерно въ этомъ случаѣ Теофанъ передаетъ рассказъ о правителѣ Фракісійской темы, Лаханодраконѣ. Послѣдній собираетъ всѣхъ монаховъ области въ Ефесъ и держитъ предъ ними такую рѣчь: „желающій повиноваться царю и намъ долженъ сейчасъ же одѣться въ короткую одежду и взять жену; тѣ, которые не хотятъ сдѣлать этого, ослѣпленные будутъ сосланы въ Кипръ“. „И за словомъ послѣдовало дѣло, продолжаетъ историкъ, и много мучениковъ содѣлалось въ тотъ день“. Имѣніе монаховъ было конфисковано; бібліотеки расхищены: свѣтскія книги распроданы, а отеческія творенія преданы огню. Префектъ получилъ благодарность отъ императора за ревность и усердіе къ дѣлу. — Преслѣдуя монаховъ, бывшихъ единственными почти учителями народа, императоръ наносилъ рѣшительный ударъ существовавшимъ школамъ. Но подобно своему отцу Константину Копронимъ не озаботился открытіемъ новыхъ школъ на мѣсто закончившихъ свое существованіе среди жестокихъ гоненій на монашество.

Возстановленіе иконопочитанія при Иринѣ не было вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіемъ школъ, закрытыхъ, при ея предшественникахъ. Монахи на нѣкоторое время издохнули свободнѣе; но погромъ недавняго прошлаго давалъ еще себя чувствовать. Къ тому же Византійскіе императоры второй серии иконоборцевъ, начиная со Льва Армянина, не оставляютъ монаховъ въ покоѣ, а Теофиль по этому вопросу еще разъ напомнилъ времена Константина Копронима. Но при всемъ томъ съ IX в. начинается поворотъ къ лучшему въ исторіи школъ. Иконоборческіе императоры этого времени не ограничиваются однимъ только преслѣдованіемъ, какъ лучшимъ средствомъ убѣжденія иконопочитателей, но стараются поставить дѣло на научную почву, устраиваютъ диспуты, прика-

зываютъ рыться въ старинныхъ рукописяхъ, желая найти въ нихъ оправданіе своихъ иконоборческихъ идей. Предпоследній императоръ изъ ряда иконоборцевъ, Михаилъ Травль (820—829 г.), хотя самъ, по выраженію продолжателя Теофана, „такъ былъ невѣжественъ, что другой умѣлъ бы прочесть цѣлую книгу, пока онъ разберетъ буквы своего имени“, однако умѣлъ цѣнить науку и заботился объ открытіи училищъ и распространеніи образованія, особенно еллинскаго. Воспитаніе своего сына, наследника престола, Теофила (829—842 г.) онъ поручилъ извѣстному ученому того времени, Иоанну грамматикѣ, впоследствии Константинопольскому патриарху (833—842 г.). Образованный, благочестивый и правдолюбивый, Теофилъ на императорскомъ престолѣ явился горячимъ любителемъ наукъ и искусствъ. Онъ открылъ въ Константинополѣ публичную школу, пригласивъ, въ качествѣ начальника ея, извѣстнаго Льва философа, знатока свѣтскихъ наукъ. Съ этихъ поръ для школъ наступаетъ новая эпоха. Греческая наука, на время задержанная, стѣсненная, снова быстро оживаетъ и достигаетъ значительнаго разцвѣта. — Такова вѣщная судьба школъ въ эпоху неудавшихся реформъ въ политической, соціальной и церковной жизни государства.

Со стороны внутренней за этотъ періодъ мы ясно различаемъ существованіе двухъ направленій по вопросу о принципахъ образованія. Иконоборцы, поднявшіе знамя борьбы съ монашествомъ, стремятся вырвать изъ рукъ духовенства школы съ ихъ наукою. Исключительно церковное направленіе въ области образованія пришлось не по душѣ реформаторамъ всего строя жизни византійцевъ. Мы видимъ иконоборцевъ, ратующими за самобытность свѣтскаго знанія, древне-еллинскихъ научныхъ традицій. Правда, въ лицѣ первыхъ иконоборческихъ императоровъ нельзя еще встрѣтить любителей свѣтскаго образованія. Но этого и нужно было ожидать отъ грубыхъ солдатъ, не любившихъ и не умѣвшихъ цѣнить науки. Вторая серія иконоборцевъ заявляетъ о себѣ на по-

принцип покровительства образованию, но решительно въ духѣ своихъ воззрѣній. Продолжатель хроники Теофана о Михаилѣ Трапѣзѣтѣ заключаетъ, что онъ презиралъ духовную науку и, на оборотъ, заботился о распространеніи еллинскаго образованія. По мнѣнію историка, котораго всѣ симпатіи лежали на сторонѣ церковно-монашеской партіи, это направлялось къ тому, чтобы приготовить поборниковъ иконоборческой ереси. Не отрицая совсѣмъ сообщенія названнаго хроникера, мы должны внести поправку относительно его освѣщенія факта. Фригійскій простолюдинъ и, кажется, цыганъ по происхожденію, навликаясь по религиознымъ убѣжденіямъ, Михаилъ Трапѣзѣтъ, занявши императорскій престолъ не чувствовалъ особенныхъ симпатій ни къ иконоборцамъ, ни къ иконопочитателямъ. Крайній индефферентизмъ въ дѣлахъ вѣры болѣе всего характеризуетъ его отношенія къ церкви. Но какъ прежде всего воинъ, онъ по необходимости долженъ былъ прислушиваться къ мнѣнію друзей по призванію, солдатъ, пропитанныхъ до мозга костей иконоборческими идеями и благоговѣвшихъ предъ памятію Константина Копронима. Неудивительно по этому, что онъ подъ перомъ хроникеровъ того и послѣдующаго времени является иконоборцемъ. Но объяснять мотивъ его покровительства еллинскимъ наукамъ желаніемъ подготовить борцевъ за иконоборческія идеи, къ которымъ въ душѣ онъ былъ совершенно равнодушенъ, значить, по меньшей мѣрѣ объяснять фактъ слишкомъ субъективно. — Теофиль остается вполнѣ вѣрнымъ традиціямъ своихъ предшественниковъ на тронѣ по вопросу о школахъ и образованіи. Онъ открываетъ учебное заведеніе въ Константинополѣ и приглашаетъ профессоровъ только свѣтскихъ наукъ. Левъ Математикъ, занявшій должность начальника высшей школы, является предъ нами человекомъ весьма свѣдущимъ въ послѣднихъ. До сего времени онъ занимался чистымъ преподаваніемъ въ столицѣ. „Этотъ мужъ, пишетъ о немъ продолжатель Теофана, украшенный всякимъ научнымъ познаніемъ, достигъ тако-

го совершенства во всемъ т. е. въ философіи и ея родствен-
ныхъ наукахъ — ариметикѣ, геометріи, астрономіи и даже въ
многозвучной музыкѣ, какаго никто другой не могъ достигъ
даже при большомъ прилежаніи, при свободной отъ занятій
жизни и при хорошихъ дарованіяхъ, по отношенію къ одной
какой-нибудь наукѣ, — этотъ мужъ въ дешевой гостинницѣ и
на пристани преподавалъ приходящимъ къ нему, уча всякой
наукѣ, какой кто хотѣлъ. “ Неудивительно, что ученый чело-
вѣкъ, молва о которомъ дошла до императорскаго двора, былъ
приглашенъ въ качествѣ начальника школы. Но при этомъ
было еще нечто другое. Левъ заявилъ о себѣ своими иконо-
борческими убѣжденіями. Императоръ, значить, приближаетъ
къ себѣ челоѣка своей партіи и ему поручаетъ преподаваніе.
Итакъ, предъ нами являеся иконоборецъ, знатокъ свѣтскихъ
наукъ. Не есть-ли это плодъ заботъ о распроотраненіи елли-
нскаго образованія предшественниками Теофила? Въ свое вре-
мя препод. Теодоръ Студитъ горько жаловался на безбожное
извращеніе всего въ области образованія. „Святые отцы на-
ши, имѣеть онъ папѣ Александрійскому, предаются знаоемъ,
нечестивые прославляются, дѣти воспитываются въ нечести-
вомъ ученіи, по данной учителямъ книгѣ“ (II, 14.). Ясно,
что святой отецъ имѣеть въ виду съ одной стороны иконобор-
ческую ересь, а съ другой особыя книги, выданныя учителямъ
въ качествѣ пособій и руководствъ. Эти послѣднія очевидно
не подходили по своему содержанію подъ установленныя рам-
ки образованія. Не разумѣеть-ли святой отецъ тѣхъ особыхъ
руководствъ, которыя имѣли преобладающимъ элементомъ
внутренняго содержанія свѣтскія познанія? Если такъ, то усердіе
иконоборцевъ къ дѣлу распроотраненія еллинскихъ наукъ
показало уже свои плоды въ лицѣ Льва. Самъ онъ
весьма характерно описываетъ пути, которыми достигъ тако-
каго широкаго познанія. Θεσσαλονικήται, къ которымъ Левъ
опредѣленъ былъ въ санѣ архіепископа, заинтересовались
этимъ. На вопросъ ихъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ такіа познанія,

Левъ отвѣчаетъ: „Грамматику и поэзію я изучилъ во время пребыванія въ Константинополѣ, реторику же и философію, а также арифметику—на островѣ Андросѣ. Тамъ, сошедшись съ однимъ ученымъ мужемъ, узналъ я отъ него не только нѣкоторыя первоначальныя правила и основанія этихъ наукъ, но, насколько желалъ, приобрѣлъ особенное влеченіе къ образованію, обошелъ сосѣдній материкъ, побывалъ въ монастыряхъ, пересматривалъ хранящіеся въ нихъ книги, сравнивалъ ихъ и, влекомый сильнымъ прилежаніемъ, восходилъ на вершину горъ и, упражняясь тамъ, достигъ такой высоты познанія.“ (Theoph. Continuat. l. IV, с. 29). Иконоборецъ по убѣжденіямъ, онъ сравнительно мало интересуется духовнымъ и богословскимъ образованіемъ. Въ Константинополѣ, на островѣ—вездѣ онъ ищетъ учителей свѣтскихъ наукъ. Ясно, что всѣ симпатіи Льва клонились къ этой сторонѣ образованія. Далѣе, мы имѣемъ другой примѣръ прекрасно образованнаго человѣка въ лицѣ Іоанна Грамматика. Питомецъ эпохи второй половины иконоборческаго періода, Іоаннъ заявилъ себя со стороны учености. Противники его по убѣжденіямъ, монахи всею душою ненавидѣли его. За свѣтскую ученость они прозвали Іоанна Авніемъ волхвомъ, чародѣемъ, предтечею антихриста. Специально для него придумано было особое названіе какаго-то Ильзиды, что съ еврейскаго означаетъ—предтеча и сотрудникъ діавола. Этого-то сотрудника діавола Михаилъ Трапль приглашаетъ къ себѣ во дворъ и поручаетъ ему воспитаніе своего сына и наследника престола, Теофила, а послѣдній возводитъ въ санъ патріарха. Итакъ, реформа, принятая иконоборцами, если не увѣнчалась успѣхами, то въ области школьнаго вопроса оставила слѣды, по которымъ можно судить объ идеалахъ, планахъ и задачахъ школьнаго образованія. Всѣ симпатіи иконоборцевъ тяготѣли къ эллинистическимъ научнымъ традиціямъ. Идеаль образованнаго человѣка они усматривали въ лицѣ специалиста по классическимъ наукамъ. Это не значитъ, что ими совсѣмъ игнорировались бого-

словескія науки. Одно уже то, что Левъ поставленъ былъ въ архіепископа Солунскаго, а Іоаннъ грамматикъ возведенъ въ санъ патріарха, ясно показывають, что эти спеціалисты свѣтскихъ наукъ не были профанами въ области богословія. Иконоборцы стремились къ тому, чтобы дать перевѣсъ въ области школьнаго образованія свѣтскому элементу. Богословіе, съ ихъ точки зрѣнія, не должно стоять во главѣ всѣхъ предметовъ школьнаго курса. Ему отводится особое мѣсто. Оно вводится въ программу только въ силу того, что для избранныхъ, нѣкоторыхъ любителей, знакомство съ нимъ могло составлять предметъ необходимости. Таковъ взглядъ иконоборцевъ на школьные идеалы. Понятно, что вновь созданный идеаль школы требовалъ важныхъ перемѣнъ въ выборѣ средствъ для реализаціи его. Научныя произведенія греческой старины времени давно прошедшихъ рекомендуются теперь въ качествѣ самаго пригоднаго матеріала для реализаціи идеала. Мы не имѣемъ данныхъ для опредѣленія степени совершенства свѣтскаго научнаго образованія, сообщаемого школою того времени, организованною въ духѣ партіи иконоборцевъ. Но есть полная возможность предположить, что дальѣ простаго воспроизведенія, да и то въ сокращенномъ видѣ, не возвышались и не могли возвыситься.

Обращаемся къ иконопочитателямъ. Во главѣ этой партіи стояли монахи. По нашему вопросу во все время иконоборческихъ смуть они ратовали за старые порядки, за давно сложившіяся и вполне опредѣлившіяся идеалы школы. Съ ихъ точки зрѣнія школа имѣетъ своею задачею приготовленіе людей свѣдущихъ въ Божественномъ Писаніи. Идеаль ея усматривается въ лицѣ богослова. Мы уже видѣли, какой взглядъ проводить св. Іоаннъ Дамаскинъ на задачи образованія въ своемъ „Точномъ изложеніи Православной Вѣры“. Еще яснѣе выступаетъ у него этотъ взглядъ въ предисловіи къ діалектикѣ (гл. I). Для святаго отца нѣтъ ничего превосходнѣе по званія. Лишенный званія хуже безсловесныхъ животныхъ по

природѣ неспособныхъ къ познанию. Нашъ духъ, облеченный плотию, имѣеть органъ для познания сущаго—умъ, какъ бы глазъ смотрящій и способный познавать. Но для познания нашъ умъ нуждается въ учителѣ, и этотъ послѣдній есть никто иной, какъ сама Истина, Христось, въ Которомъ, по слову Апостола, сокрыты все сокровища премудрости и вѣдѣнія, Который есть Божія Сила и Божія Премудрость. Слушая голосъ Его, при помощи Писанія, мы получаемъ истинное познание всего сущаго. Но если Ап. Павелъ завѣщаетъ все испытывать и хорошаго держаться, то позволительно обращаться къ книгамъ свѣтскихъ авторовъ и мудрецовъ. Быть можетъ и у нихъ найдется что нибудь цѣнное и для души полезное. Но роль сочиненій свѣтскихъ авторовъ въ кругу предметовъ образованія христіанина чисто служебная: «Надлежитъ имъ, говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ, какъ служанкамъ служить царицѣ» т. е. Божественной Истинѣ. Итакъ, священное Писаніе есть единственный надежный источникъ истины. Все другое не имѣеть и не можетъ имѣть какого либо важнаго значенія. Дамаскинъ не объясняетъ подробно назначенія свѣтскихъ наукъ при богословіи. Но ясно, что, обозвавъ ихъ служанками, онъ тѣмъ самымъ признаетъ за ними права вспомогательныхъ средствъ при усвоеніи веземныхъ истинъ.—Таковъ же взглядъ и препод. Феодора Студита. «Ты пишешь хорошо, отивчалъ онъ въ письмѣ къ Григорію консулу, какъ показываетъ самое письмо твое. Въ немъ мы хвалимъ не только ученость твою, но и любознательность, желающую получить высшее образованіе... Прекрасно образованіе, господишь, доколь оно содѣйствуетъ действительно истинному образованію, а не обеснуется, дѣлая невѣжественными причастниковъ его». (Твор. 2, 448 стр.)—А вотъ предъ нами свѣтскій человѣкъ этой эпохи, сынъ государственнаго секретаря, значить, лицо, принадлежавшее къ высшему обществу столицы, но по своимъ убѣжденіямъ въ вопросѣ объ иконахъ, ставшее на сторону иконопочитателей. Это Никифоръ, самъ сдѣлавшійся также

государственнымъ высшимъ сановникомъ, а впоследствии избранный прямо изъ мірянъ на кафедру Константинопольскаго патриарха. Биографъ Никифора, его ученикъ, діаконъ Игнатій, сообщаетъ намъ драгоценныя свѣдѣнія объ образованіи его. „Послѣ того, какъ я упомянулъ о наукахъ (*μαθημάτων*), считаю не лишнимъ и не чуждымъ дѣла упомянуть и о томъ, какое прилежаніе, какое постоянство было у этого человѣка въ занятіяхъ имъ. Къ знанію священнаго Писанія онъ присоединилъ знакомство съ свѣтскими науками, чтобы съ одной стороны тѣмъ легче онъ могъ уча убѣждать и съ другой—удобнѣе доходить до разоблаченія ошибокъ. Ибо если таково свойство закона, что онъ возвѣщаетъ понятіе справедливаго и несправедливаго, чтобы воздать каждому по заслугамъ, такъ и совершенное образованіе должно представлять познаніе того и другаго. Однако мы не ставимъ въ параллель то и другое—да не будетъ. Вѣдь госпожѣ не равна служанка и сынъ рабыни не наследуетъ съ сыномъ свободной, чтобы вспомнить мнѣ сказанное Аврааму. На сколько онъ былъ силенъ въ грамматикѣ, ея составныхъ частяхъ и органахъ, при помощи которыхъ различается орѳографически правильное отъ неправильнаго, исправляется греческій языкъ и упорядочивается правильный размѣръ въ стихахъ, это извѣстно даже тѣмъ, которые лишь нѣсколько знакомы съ наукою. Не трудно понять и то, какимъ оказался въ многострунной свирѣли риторъ этотъ сладкорѣчивый и медоточный мужъ; ибо изгоняя изъ своей рѣчи все изысканное и многословное и все, что отзывается пустыми софистическими вымыслами и текучестью рѣчи, онъ старался придать ей особенную сладость и пріятность отчетливостію и чистотою композиціи. Что касается употребленія математической четверицы, которая слагается изъ терминовъ постоянныхъ или терминовъ раздѣльных (потому что или движется и образуетъ астрономію, или остается неподвижною и образуетъ геометрію или, опять, имѣетъ дѣло съ отношеніями и образуетъ музыку, или стоитъ внѣ отношеній и

образуеть арифметику), то своимъ стараніемъ онъ достигъ того, что, изучая ихъ въ связной системѣ и въ формѣ отдѣльныхъ отраслей, онъ во всѣхъ достигъ совершенства (первенства—*πρωτεῖον*). А музыкальную лиру настроивалъ онъ не такую, какую Пифагоръ Самосскій и такую—обольститель Аристоксенъ, а скорѣе сто—пятидесятиструнную и на ней играя всегда онъ отгонялъ отъ слушающихъ его ту болѣзнь, которую нѣкогда страдалъ Саулъ, и смягчилъ жесточайшаго тирана, котораго душилъ духъ злоученія и который упорно бѣсновался противъ Христова домостроительства и тѣмъ спасъ стадо свое отъ заразы.—Самымъ тщательнымъ образомъ занявшись этими четырьмя служанками истинной науки, онъ перешелъ и къ госпожѣ ихъ, разумѣю, философію, и вѣрнымъ и неуклоннымъ путемъ онъ перешелъ къ ея теоремамъ... ¹⁾ Приведенное мѣсто важно для насъ не только потому, что указываетъ на число предметовъ школьнаго преподаванія, но и потому, что сообщаетъ прекрасную характеристику постановки свѣтскихъ наукъ, общей цѣли ихъ изученія, ихъ мѣста въ системѣ всѣхъ предметовъ образованія. Есть-ли это взглядъ самаго патріарха Никифора или діакона Игнатія, его ученика, въ данномъ случаѣ для насъ это безразлично. Тотъ и другой—люди одной партіи, не крайніе противники по нашему вопросу иконоборческой партіи. Оба они живутъ въ такое время, когда само иконоборство значительно смягчаетъ свой враждебный взглядъ на образованіе. Тотъ и другой не питаютъ вражды къ свѣтскому образованію, какую ознаменовали себя нѣкоторые ревнители благочестія, доведшіе свой ригористическій взглядъ на свѣтское образованіе до крайности. Оба они цѣвятъ послѣднее. Одинъ получаетъ его въ совершенствѣ потому времени, другой съ сочувствіемъ относится къ такому, во всякомъ случаѣ для этой эпохи не заурядному явленію. Но

¹⁾ Nicephori Archiepiscopi Constantinop. opuscula historica ed. Carol. de-Boor. Lipsiae. 149—150 стр.

съ другой стороны учитель и ученикъ прекрасно опредѣляютъ роль и назначеніе свѣтскихъ наукъ. Ученикъ, усвоившій идеи учителя, ясно выражаетъ свой взглядъ на цѣль свѣтскаго образованія, когда говоритъ о Никифорѣ, что «онъ къ знанію свѣцъ Писанія присоединилъ и знакомство съ свѣтскими науками, чтобы съ одной стороны быть болѣе убѣдительнымъ въ наученіи, а съ другой—удобнѣе доходить до разоблаченія ошибокъ». Такимъ образомъ, по автору, свѣтское образованіе преслѣдуетъ постороннія цѣли, не само для себя цѣль, а средство для другой, высшей. Но этого мало, — біографъ указываетъ аналогію въ отношеніяхъ между понятіемъ справедливаго и несправедливаго съ одной стороны, духовнаго и свѣтскаго образованія съ другой. Какъ первый два понятія подпадаютъ подъ одно высшее понятіе закона, такъ и послѣднія мыслятся въ понятіи образованія вообще. Хотя ясно не высказывается авторъ по поводу дальнѣйшаго развитія аналогій, однако едвали не въ правѣ мы заключить, что свѣтское образованіе онъ уподобляетъ понятію несправедливаго, въ противоположность духовному, которое есть чистая истина, справедливость. Отъ этой во всякомъ случаѣ не дестной для свѣтскихъ наукъ аналогіи авторъ переходитъ къ точному опредѣленію мѣста свѣтскаго образованія въ группѣ всѣхъ наукъ. Раба, по его взгляду, не сравнима съ госпожею по своимъ достоинствамъ. Госпожею является у него свѣцъ Писаніе и вообще богословское образованіе, рабою—свѣтскія науки. Такое олицетвореніе соотношенія наукъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ опредѣленіемъ автора цѣлей образованія.

Таковъ взглядъ православной партіи въ лицѣ ея лучшихъ представителей на сущность образованія, его цѣли и задачи. Благоустроенная школа, съ точки зрѣнія послѣднихъ, имѣетъ свой идеалъ въ лицѣ богослова-специалиста. Какія же средства рекомендуютъ дидактологи этой эпохи для реализаціи идеала? Въ противоположность иконоборцамъ, партія иконопочитателей ставитъ высшимъ объектомъ школьнаго преподаванія бо-

гословіе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ качествѣ пропедевтическаго курса вводятся свѣтскія традиціонныя науки. Но роль ихъ чисто служебная. Онѣ—не цѣль сами по себѣ, но средства для достиженія другихъ цѣлей. Св. Іоаннъ Дамаскинъ цѣнитъ свѣтское образование только потому, что оно помогаетъ опроверженію свѣтскихъ авторовъ, а Теодоръ Студитъ—что оно вообще «содѣйствуетъ дѣйствительно истинному образованію» и, наконецъ, діаконъ Игнатій рекомендуетъ свѣтскую науку, какъ наилучшее средство для того, чтобы съ одной стороны уча убѣждать, а съ другой—удобнѣе доходить до разоблаченія ошибокъ. Итакъ всеъ указанные писатели сходятся между собою въ опредѣленіи вложенія свѣтскаго курса въ школы. Какъ служанка истиннаго знанія т. е. богословія свѣтская наука вводится въ школьную программу не столько, по сколько она своимъ содержаніемъ оправдываетъ свое назначеніе—содѣйствовать истинному образованію. Само собою разумѣется, что, введенная въ школу для постороннихъ цѣлей, свѣтская наука не получила и не могла получить сколько нибудь одобренной почвы для своего процвѣтанія. Теперь вообще не мечтали о самостоятельномъ научномъ движеніи, а партія иконопочитателей намѣренно стремилась къ промаднымъ сокращеніямъ и урѣзкамъ добытаго трудами предковъ научнаго наслѣдія старины. Уподобляясь искуснымъ мѣняламъ, наши дидактологи просматриваютъ это послѣднее и извлекаютъ изъ него крупинки чистаго золота. Довольные находкою, они снѣшатъ переработать готовый матеріалъ по шаблону установившихся требованій отъ школьнаго образованія. Въ такомъ духѣ обрабатываются и учебники для школы. Лучше всего доказавъ это святой Іоаннъ Дамаскинъ своими грамматикой и діалектикой, приспособленными для школьнаго употребленія. Та и другая равно представляютъ сжатое изложеніе элементарныхъ истинъ указанныхъ наукъ. Содержаніе ихъ, какъ увѣряетъ самъ авторъ, заимствовано изъ трудовъ древнихъ писателей. Но желаніе извлечь только чистое золото изъ бога-

той сокровищницы традиционныхъ наукъ имѣло своимъ слѣд- ствіемъ то, что въ учебникахъ св. Іоанна Дамаскина отъ со- лидныхъ трудовъ древнихъ авторовъ явился скелетъ, совсѣмъ не располагающій подозрѣвать сходство съ своими прототипами.

Но если такъ неудовлетворительно была поставлена свѣт- ская наука въ школѣ, организованной партіей иконопочита- телей, то быть можетъ въ замѣнъ этого процвѣтало богосло- віе. Къ сожалѣнію и этого утверждать мы не можемъ. Проц- вѣтанія не наблюдается, но нельзя сказать, чтобы былъ замѣ- чаемъ и полный упадокъ. Съ внѣшней стороны въ школѣ встречаемъ мы обиліе богословскихъ предметовъ. Тутъ отдѣль- но преподается богословіе, объясненіе свящ. Писанія, кано- ническое право, литургика и свящ. исторія. Со стороны внут- ренней вышеуказанное отношеніе къ свѣтскому научному на- слѣдію не было явленіемъ не повторяемымъ. Таже участь, въ меньшихъ только размѣрахъ, постигла и труды знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви золотого вѣка христіанской пись- менности. Учащіе и учащіяся этой эпохи обращаютъ свой взоръ къ давно прошедшему. Быть ученымъ для этой эпохи значило быть свѣдущимъ въ литературѣ прошлаго, многое про- читать, много заучить. Какъ въ свѣтскомъ образованіи грекъ VIII и IX вв. пробавлялся наслѣдіемъ отъ классическихъ вре- мень, такъ и въ богословскомъ онъ жилъ завѣщаннымъ зна- менитыми отцами и учителями церкви прежней эпохи. Доро- гимъ сокровищемъ касалось ему это послѣднее. Сохранить бо- гословскіе труды предковъ, изучить ихъ по возможности пол- нѣе было его идеаломъ. Столь скромное желаніе по отноше- нію къ богословской наукѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ край- нее благоговѣніе предъ авторитетами, которые надѣляются званіемъ богословскихъ, боговдохновенныхъ отцовъ и учите- лей, робость мысли, боязнь за самостоятельность и рѣшитель- ное нежеланіе ея. Но преклоняясь и благоговѣя предъ авто- ритетами богословской мысли, грекъ VIII и IX вв. не могъ не примѣтить отсутствія въ трудахъ учителей прежней эпохи

системы. Отсюда его задачей является не только собрать, но и привести въ порядок дорогое наслѣдіе, сообщить ему надлежащую форму. Такъ какъ во времена упадка образованія является дѣломъ величайшей трудности изучать сполна все прежде написанное, то отсюда неизбежны сокращенія. Ученые богословы нашей эпохи имѣютъ въ виду извлечь изъ завѣщаннаго сокровища главнѣйшее, примѣнить его къ потребностямъ и нуждамъ своего времени. Лучшій образецъ такого отношенія къ научному богословскому наслѣдію христіанской старины мы имѣемъ въ „Точномъ изложеніи православной вѣры“ св. Іоанна Дамаскина. Обоснованная на твердо-незыблемомъ основаніи свящ. Писанія и церковнаго преданія, названная система представляетъ собою сводъ избранныхъ и самыхъ важныхъ мѣстъ изъ свято отеческой литературы почти по всѣмъ вопросамъ догматики. Такимъ образомъ содержаніе для системы было дано все сполна въ трудахъ отцовъ золотого вѣка христіанской письменности. Но форма, въ которую улеглось это содержаніе, составляетъ самостоятельный трудъ названнаго святаго отца. Мы видимъ въ „Точномъ изложеніи православной вѣры“ весьма удачную попытку примѣнить формулы діалектики къ основнымъ пунктамъ христіанскаго богословія. Попытка увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Предложенная въ качествѣ учебника для школы, книга пережила самаго автора, получила широкое распространеніе въ стѣнахъ учебныхъ заведеній послѣдующей эпохи и не перестаетъ оказывать свое вліяніе до нашихъ дней.

Въ такомъ видѣ является предъ нами эпоха борьбы за принципы образованія. Тутъ мы встрѣчаемъ крайности противъ крайностей, увлеченія съ той и другой стороны. Выше приведены воззрѣнія на идеалы образованія людей болѣе благомыслящихъ изъ среды православныхъ. Но далеко не всѣ ревнители православія были согласны съ такими воззрѣніями. Нашлось много поборниковъ чистоты вѣры, особенно среди монашествующей братіи, которые въ незнакомствѣ съ на-

укою увидѣли лучшей оцлотъ чистоты вѣрованій. Просвѣщеніе и наука для этихъ людей явились не только излишними, но и вредными, а свѣтская образованность не называлась иначе, какъ волшебствомъ, чародѣйствомъ и нечестіемъ. Выше было указано, что извѣстный Іоаннъ Грамматикъ слылъ въ ихъ средѣ за волхва. А объ учености Фотія какія нелѣпныя рассказывали басни? Ее объясняли не иначе, какъ вліяніемъ Веельзевула, особенной темной силы, стоившей Фотию отреченія его отъ креста Христова. Въ свою очередь и иконоборцы въ борьбѣ за принципы образованія доходили до крайностей, предавая сожженію свято-отеческія произведенія. Но среди двухъ принциповъ обрисовывается ясно новое примирительное направленіе, которое сглаживаетъ противорѣчія, преувеличенія той и другой партіи и къ концу періода пріобрѣтаетъ окончательный перевѣсъ. Это эпоха разцвѣта образованія, начата знаменитымъ въ исторіи Фотіемъ.

Этимъ пока и закончимъ мы первую статью о школахъ на христіанскомъ православномъ востокѣ и ихъ идеалахъ.

В. Преображенскій

Печаталось въ приложеніи къ «Воронежскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ».

Воронежъ. Типографія В. И. Исаева.

Электронное издание подготовлено
Отделом религиозного образования
и катехизации Ижевской и
Удмуртской епархии

www.izhoroiik.ortox.ru

